Под Южным Крестом

Автор:
Луи Буссенар

Под Южным Крестом

Луи Анри Буссенар

События этого романа разворачиваются в далекой и загадочной Австралии, куда герои отправляются в очередное путешествие на китайском торговом корабле. После серии головокружительных приключений они оказываются на северном берегу Зеленого континента, где им предстоит знакомиться с удивительной жизнью аборигенов-папуасов.

Луи Буссенар

Под Южным Крестом

Факты, даты, цитаты

Современники о Луи Буссенаре

Романист– путешественник

(статья-некролог из журнала «Природа и люди», 1910)

(1847–1910)

Репутация Буссенара как увлекательного рассказчика давно уже утвердилась среди публики… Помимо выдающегося писательского таланта, Л. Буссенар еще и тем отличался от своих собратьев по перу, что большею частью сам пережил то, что описывал в своих романах; он знал своих героев и видел описываемую им природу своими глазами.

Писатель родился в Эскренне… 4 октября (нового стиля) 1847 г., учился в Питивье, потом изучал медицину и уже совсем предназначил себя к жизни в провинции. Во время франко-прусской войны 1870 г. его сделали полковым лекарем; исправляя эту должность, он получил рану при Шампиньи.

После войны, устав вращаться в тесном деревенском кругу, Буссенар вдруг решился променять ланцет на перо. После этого решения, неразумного, судя по внешности, но блестяще оправдавшегося впоследствии, он возвратился в Париж, где стал работать в периодической печати. Его романы вскоре обратили на себя внимание, – и слава молодого писателя стала быстро расти.

К этой эпохе относятся его первые работы во французском журнале путешествий «Journal des Voyages», которому он остался верен до самой смерти, несмотря на самые блестящие предложения со стороны других журналов. Репутация молодого писателя установилась. Он быстро составил себе независимое положение, которое могло бы удовлетворить менее кипучую натуру.

Но ему хотелось видеть Божий мир, посетить далекие страны, и он с радостью принял в 1880 году от министерства народного просвещения командировку с научной целью в Гвиану.

Семь месяцев провел он в этой экваториальной колонии, то в качестве натуралиста, то охотника, то исследователя; он жил то в хижине поселенца, то в шалаше дикаря, то пользовался гостеприимством золотопромышленников на Верхней Амазонке или странствовал в девственном лесу, наслаждаясь его красотами и подвергаясь там всевозможным опасностям. По окончании этой командировки, проникшись страстью к путешествиям, которую ничто не могло

утолить и утишить, он возвратился во Францию, жаждая более, чем когда бы то ни было, простора и бесконечной свободы.

Поэтому вскоре по возвращении на родину он снова уехал, посетил Марокко, Сьерра-Леоне, Антильские острова, Флориду и еще много других мест, занимаясь собиранием материалов для новых романов и повестей.

В рассказах Буссенара собраны результаты всех его похождений, перлы его наблюдений и открытий. Он полными руками разбрасывал красоты своего воображенияи своих художественных дарований…

Человек неподкупного долга, покойный писатель оставался верен своему призванию до самой смерти, – и до последней минуты его голова была занята обдумыванием новых сюжетов для своих романов.

Мало того, когда редакция нашего журнала обратилась к нему с просьбой о разрешении перевода его сочинений на русский язык и некоторых указаниях, связанных с этой нелегкой работой, Л. Буссенар не только прислал любезное разрешение, но и дал много ценных разъяснений.

Между тем, злой недуг уже тогда заметно подтачивал его силы.

Над могилою почившего было произнесено много речей. Но одна из них, речь мэра г. Питивье, наиболее рельефно рисует заслуги покойного писателя и пред родиной, и пред обществом, и, наконец, пред читателями, разбросанными по всем частям света.

«Л. Буссенар, – говорил мэр, – недюжинный работник; писатель редкой плодовитости, он создал много произведений, пропитанных самым чистым патриотизмом, уважением к юношеству, духом смелого обличения сильных мира сего, но зато полных нежности к малым и обиженным.

Чудесные или забавные приключения его героев являлись как бы легким рисунком, набросанным на фоне серьезной учености. Завязка его романов, научную правдивость и точность которых столько восхваляют, являлась для него самою трудною частью работы, так как ему приходилось штудировать несколько томов, чтобы написать несколько страниц живого и красочного рассказа.

В своих первых трудах, которые и создали ему репутацию, Л. Буссенар водил своих героев по вновь открытым странам; затем перешел на рассказы более научные, высказывая смелые, грандиозные гипотезы, всегда, впрочем, основанные на строго научной подкладке; наконец, как многие великие умы, он почувствовал влечение к истории, и его последние романы, рамки которых он заимствовал в Македонии, на Кубе, в Трансваале и других странах, или из фактов более старых – в Крыму, Италии и Мексике, содержат картины и эпизоды поразительной точности.

Л. Буссенар обладал некоторыми качествами, редко встречающимися теперь со времени смерти Александра Дюма-отца, – между прочим, редким и драгоценным даром создавать типы, которые представляли собою настоящие, живые лица. Этому способствовал и легкий, изящный, красочный стиль покойного писателя.

Если Буссенару не хватило времени сделаться Вальтер Скоттом Франции, тем не менее, доля весьма завидна: его произведения, составившие прелесть и очарование стольких поколений читателей, не дадут погибнуть его памяти, и гордящиеся им соотечественники будут постоянно пребывать на страже его могилы».

Нечего прибавлять к этим правдивым словам!

Мир твоему праху, дорогой товарищ, и да будет земля тебе пухом.

Редакция журнала «Природа илюди»

Исследователи о творчестве Луи Буссенара

Игорь Георгиевич Халымбаджа (1933–1999), русский, библиограф, редактор, критик, писатель-фантаст

Оставив медицину, Буссенар начал писать авантюрно-географические романы, которые начиная с 1877 года появляются на страницах «Журналь де вояж» («Журнал путешествий»). Уже первые его произведения… принесли молодому автору широкую известность. Страсть к путешествиям, к исследованию далеких

стран – пусть только на страницах увлекательного романа – разделяли с сотрудником «Журнала путешествий» многие молодые и не очень читатели…

Именно в это время творил великий современник Буссенара – Жюль Верн. Иногда называют Верна учителем Буссенара. Вряд ли это правомерно. У старшего и младшего современников был один учитель – Дефо. Человек один на один с природой, полагающийся только на свои силы, – типичный герой приключенческого романа. Робинзоны появляются в книгах того и другого, как и мечта о создании где-то вдали от цивилизации идеального человеческого сообщества…

В 1880 году Буссенар отправляется в командировку во Французскую Гвиану по заданию Министерства народного просвещения для проверки системы медицинского обслуживания. Гвиану писатель исходил вдоль и поперек, бесстрашно проникая в труднопроходимые заросли южноамериканской сельвы, плавая по бесчисленным рекам и речкам. Он не страшился ни свирепствовавшей там желтой лихорадки, ни стрел воинственных индейцев…

Затем последовали путешествия в Марокко, Сьерра-Леоне, на Флориду, снова в Южную Америку, Австралию…

Луи Буссенар обладал острой наблюдательностью, сколько же удивительного, интересного, занимательного и забавного подметил его зоркий взгляд! А к нему добавлялись незаурядная фантазия и удивительная эрудиция. Из этого сплава выкристаллизовались множество авантюрно-географических романов…

Книги Буссенара пользовались огромной популярностью в России, где ими наряду с романами Т. Майн Рида, Г. Эмара, Ж. Верна, Ф. Купера зачитывались многие поколения подростков, мечтавших о подвигах и приключениях. Эти книги учили благородству, мужеству, душевной чистоте, учили тем легче, чем увлекательнее была фабула (а Буссенар был непревзойденным мастером сюжета!)…

Буссенар не очень любил отпускать полюбившихся ему героев. Так в его творчестве складываются взаимосвязанные циклы романов. Самый большой – о приключениях парижского гамена Фрикэ, его друзей Андрэ и сержанта Барбатона. В него входят «Путешествие парижского гамена вокруг света», «Под Южным Крестом», «Приключения в стране львов», «Приключения в стране

тигров», «Приключения в стране бизонов»…

Умер Луи Буссенар 11 сентября 1910 года в Орлеане. Однако живут его книги, как ни банально это говорить; живут в сердцах бывших мальчишек, «глотавших» их в детстве, живут и будут жить, пока живет мечта о сильных и смелых людях, о далеких странах.

Тамара Владимировна Балашова (род. в 1930), российский литературовед, доктор филологических наук

Буссенар почитал Жюля Верна своим учителем. Однако литературоведы (взять, например, книгу Пьера Журда «Экзотика во французской литературе») считают, что «подлинными литературными учителями» в приключенческом жанре надо назвать и Жюля Верна, и Луи Буссенара, «приведших в литературу новых Робинзонов». Творчество этих писателей развивалось во многом параллельно, книги их дополняли друг друга, отвечая эмоциональным потребностям читательской публики.

…

В России переводы книг Буссенара следовали буквально по пятам за выходом оригинала (издательство И. Д. Сытина и периодика). А сразу после смерти писателя в 1911 году издатель П. П. Сойкин подготовил и выпустил сорок томиков его Полного собрания романов. Во Франции книги Буссенара никогда не исчезали из планов издательств.

Что же влекло к нему читателей и в России, и во Франции?

Прежде всего, конечно, романтика путешествий, узнавания нового. Болезнь разочарованности «конца века» Буссенара, как и Жюля Верна, не коснулась; он охвачен жаждой открывать, углубляться в тайны природы, созидать.

Б. Мицкевич, автор послесловия ксоветскому изданию романа Л. Буссенара «Похитители бриллиантов»

Подобно героям своих произведений, Буссенар был захвачен «таинственной и мучительной» страстью к путешествиям.

…

Герои авантюрно-географических романов Буссенара – отважные европейцы (чаще всего французы), наделенные незаурядным умом, бесстрашием, находчивостью. Эти качества помогают им с честью выходить из самых опасных и затруднительных положений, возникающих во время их путешествий и скитаний по разным экзотическим странам, иногда совершенно не изученным и труднодоступным.

Приключенческие романы Буссенара насыщены богатым географическим и этнографическим материалом. Мы находим в них многочисленные, хотя, к сожалению, не всегда точные сведения о географии, истории, промышленности различных стран и земель, красочные и поэтические описания животного и растительного мира, изображение нравов и обычаев коренных жителей Африки, Австралии, Южной Америки. «Наше повествование, – писал Буссенар, – только выигрывает от этого, ибо, в конце концов, нас интересует не только драма, но и география».

Михаил Соломонович Трескунов (1909–2005), автор послесловия кизданию романа Л. Буссенара «Капитан Сорви-голова», 1989

Луи Буссенар утверждал, что был поглощен «романтикой приключений», что его бросало в лихорадку, когда он читал увлекательные книги Эмара, Ферри, Купера и перед ним представали выжженные солнцем долины, прииски сверкающего золота, охраняемые краснокожими индейцами. «Всю мою молодость, – рассказывает Буссенар, – меня не покидали мечты об этом едва угасшем рае, о захватывающих страстях, которые так превозносили мои любимые писатели».

Луи Буссенар был романтиком. Он не мог замкнуться в своем кабинете, не встречаться с людьми; ему необходимо было общение, ему нужно было созерцать великолепные пейзажи тропической природы, нужны были приключения и опасности.

Страстное желание увидеть неведомые страны побудило его отправиться в Америку, Марокко, Сьерра-Леоне, Австралию. Личные наблюдения путешественника-этнографа, изучение исторических работ, географических исследований помогли Буссенару создать ряд талантливых произведений.

В. А. Трусова, составитель иавтор предисловия кизданию романов Л. Буссенара, 1992

Ярлык автора приключенческих романов закрепился за Буссенаром, кажется, навечно. Каждый критик, мнящий себя хоть отчасти серьезным литературоведом, считает непременным долгом отметить «схематичность героев, являющихся или образцами всех добродетелей, или отъявленными злодеями», «нагромождение приключений, часто внутренне не связанных», «отсутствие психологизма». Венцом высокомерной критики по отношению к Буссенару стали утверждения о том, что он «не возвышается над обычным буржуазным представлением о культуртрегерской роли колониальной политики» и вообще Буссенар – всего лишь «посредственный подражатель Дюма-отца».

Вот так за деревьями не разглядели леса…

***

Если у кого-то все же появится непреодолимое желание уподобить Буссенара какому-нибудь более известному нашей читающей публике писателю, то пусть он сравнит его с Жюлем Верном. Правда, в отличие от мэтра фантастической и приключенческой литературы, Буссенар сам вдоволь настранствовался по свету, накопив в путешествиях огромнейшее количество фактического материала… Сведения о тех странах, где он не сумел побывать сам, добывал, тщательно изучая горы книг. И верить Буссенару можно: в том, что касается истории, этнографии, географии и прочих фактических сведений, он полностью соответствует уровню познаний конца просвещенного XIX века.

Писатели о Луи Буссенаре

Николай Степанович Гумилев (1886–1921), русский поэт

По книге В. К. Лукницкой «Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких»

Он любил говорить об Испании и Китае, об Индии и Африке, писал стихи, прозу. Наверное, поводом были не только книги, но и рассказы отца о его плаваниях по морям-океанам. И военные истории дяди-адмирала.

С нетерпением дождавшись весны, Гумилев снова на воле, в Поповке. Он все чаще и чаще заменял теперь игры в солдатиков «живыми» играми с товарищами в индейцев, в пиратов, в ковбоев. Играл самозабвенно. Одно время выполнял роль Нэна-Саиба – героя восстания сипаев в Индии. Он даже требовал, чтоб его так и называли. Потом стал Надодом Красноглазым – героем одного из романов Буссенара.

По статье «Вокруг света с Луи Буссенаром»

Опираясь практически на все произведения Луи Буссенара, русский поэт Николай Гумилев, путешествуя по Эфиопии, написал поэму «Мик» и посвятил ее своему сыну, который зачитывался произведениями французского писателя. В простых и чеканных гумилевских строфах оживают завораживающие картины первозданной африканской жизни – не менее впечатляющие, чем в любом колониальном романе:

…Луи стоял один средь морд,

Клыкастых и мохнатых рук,

К нему протянутых вокруг.

Для счастья полного его

Недоставало одного:

Чтобы сестра, отец и мать

Его могли здесь увидать

Хоть силою волшебных чар,

И в «Вокруг света» обо всем

Поведал мальчикам потом

Его любимый Буссенар…

Жан-Поль Сартр (1905–1980), французский философ, писатель

Буссенар и Жюль Верн никогда не упускают случая просветить читателя: в самый напряженный момент они обрывают нить повествования и принимаются описывать ядовитое растение или туземное жилище. Читая, я перескакивал эти познавательные экскурсы; творя, я начинял ими до отказа свои романы. Я стремился сообщить современникам все, чего не знал сам: каковы нравы туземцев острова Фиджи, африканская флора, климат пустыни.

Борис Натанович Стругацкий (род. 1933), российский писатель, сценарист, переводчик

По книге Б. Вишневского «Аркадий иБорис Стругацкие: двойная звезда»

– А что Вы в молодые годы любили читать? Я понимаю, что это нестандартный вопрос к писателю…

– С юных лет я был довольно квалифицированным читателем… У меня был очень широкий диапазон чтения. Во-первых, к счастью, сохранилась почти полностью отцовская библиотека. Часть книг, правда, мы с мамой в голодные времена продали, но значительная часть уцелела – два шкафа книг, которые я прочел все, от корки до корки… Были даже разрозненные тома Луи Буссенара и Луи Жаколио – в те времена их было не достать ни в каких библиотеках.

Книги Буссенара в СССР

Игорь Георгиевич Халымбаджа

Впервые с Луи Буссенаром я «познакомился» в конце 40-х годов, когда отец принес из заводской библиотеки несколько нетолстых томиков в мягкой обложке зеленоватого цвета с завлекательным рисунком воинственного дикаря на первой странице. Почти три месяца длился для меня «праздник души» – в библиотеке, в ее дальнем уголке, отыскалось полное собрание сочинений Буссенара издания П. Сойкина в сорока книгах – приложение к журналу «Природа и люди» за 1911 год в переводах Е. Н. Киселева, Ф. Ф. Волгина, В. Карпинской.

Книги Луи Буссенара сразу после революции как «идеологически чуждые» были изъяты из государственных библиотек и безжалостно сожжены. У нас в библиотеке они тоже не числились в фонде, а пылились, всеми забытые, в дальнем углу, принесенные в дар библиотеке неким доброхотом, но так и не принятые на баланс…

Мы читали романы всей семьей. Мир, до того ограниченный школой, домом, кварталом, городом, вдруг раздвинулся невообразимо, охватив весь земной шар. Из невеселой, скудной послевоенной обыденности мы словно прорвались в иную вселенную – полную жизни, остроумия, головокружительных невероятных приключений.

Особенно по душе мне пришлась серия романов о похождениях юного парижанина и его друзей в Южной Америке, Австралии, на Борнео. Как нравились мне смелые, решительные, мужественные герои, благородно вступающие в схватку с отъявленными негодяями и, несмотря ни на что, умеющие переломить судьбу и выйти победителями в неравной борьбе.

Но вот оказалась перевернута последняя страница и настало расставание с писателем на долгие годы – только в 1957 году были переизданы романы «Похитители бриллиантов» и «Капитан Сорви-голова».

Михаил Ефимович Катуков, маршал бронетанковых войск, дважды герой Советского Союза (в журнале «Народное образование», 1967)

Увлекаясь приключенческой литературой, издаваемой в издательстве Сойкина, я читал книги Луи Буссенара, Жаколио, восхищаясь находчивостью и смекалкой

их героев. Эти книги заставляли верить в способность человека найти выход из самого трудного положения, учили не теряться, во всех случаях сохранять присутствие духа. Думаю, вряд ли стоит объяснять, что такое чтение приносило мне пользу и как будущему военному.

Тамара Владимировна Балашова

Переводчикам 20-х годов, готовившим советские издания Буссенара, автор казался излишне снисходительным к колонизаторам, чересчур придирчивым к аборигенам. Если бы они давали свою интерпретацию только в предисловии, сохраняя адекватность переводимого текста, беда была бы невелика. Но возникла целая теория, доказывающая целесообразность «очистки, промывки» самого произведения, уничтожения при переводе неугодных издателю интонаций. Творимое литературное преступление мотивировалось ими с полным осознанием собственной «правоты», следующим образом, например: «Предлагаемый вниманию читателя роман Луи Буссенара… подвергся именно такой осторожной, тщательной “промывке”. Не нарушая темы и стиля автора, не изменяя характера его героев, мы удалили из романа буржуазную сентиментальность, накопление привходящих приключений, одностороннее толкование событий и отношений в духе империалистически-захватнической политики и морали».

Надо ли говорить, что, «промывая» художественные сочинения, переводчики грубо их искажали? Только вернувшись к полному тексту буссенаровских романов, можно вести речь о том, какое же «истолкование событий» давал сам автор.

В. А. Трусова

С той самой простотой, которая, как известно, хуже воровства, Литературная энциклопедия 1930 года сообщала: «После Октябрьской революции романы Буссенара были изъяты из библиотек». Нам было позволено читать только пару «более или менее приемлемых в идеологическом отношении» романов… Иначе имя Буссенара кануло бы в неизвестность для нескольких поколений читателей.

Слава Богу, разберемся теперь сами, что у него «идеологически вредно», что «познавательно полезно», сами вынесем снисходительный приговор симпатичным и веселым «империалистам».

Леонид Репин, обозреватель газеты «Комсомольская правда»

Этот отважный медик виртуозно владеет всеми тайнами вечного жанра: замысловато закрученный сюжет вяжут отпетые, хитроумные негодяи и отважные искатели приключений, с честью выходящие из головоломных ситуаций.

…

Главное, что удалось сделать романтику Буссенару, – он сумел убедить нас в том, что добро все-таки побеждает зло. А мы так хотим в это верить.

В замечательное советское время, насыщенное подвигами и приключениями, которых мы вовсе и не искали, книги Буссенара были запрещены. Потому что какая-то умная голова нам объяснила: Буссенар воспевает колониализм. Его герои – угнетатели и грабители беззащитного трудового народа. А мы были всегда против угнетения слабого сильным. И против захвата чужих земель. Так что не наши это книги.

А повернулось наоборот. Буссенар не забывается и по-прежнему радует нас, наполняя верой в добро.

Образ Буссенара в художественной литературе

Николай Алексеевич Островский, «Как закалялась сталь»

Райком Березкова – это Корчагин, Лида Полевых, узкоглазая волжанка, завженотделом, и Развалихин Женька – высокий, смазливый, недавний гимназист, «молодой, да ранний», любитель опасный приключений, знаток Шерлока Холмса и Луи Буссенара.

Аркадий Алексеевич Первенцев, «Кочубей»

Володька лежал на животе и, заткнув уши, упивался увлекательными событиями, пронесшимися над «пылающим островом». Рядом валялись сапоги, и на осоке просыхали коричневые от юфтовой кожи портянки.

Володька третий раз перечитывал книгу. Эту книгу дал ему Левшаков. Судя по словам Левшакова, книгу он достал у сестры милосердия Натальи, у которой, опять-таки судя по его словам, адъютант пользовался расположением. Чтобы прочитать книгу, Володька попросился на тихую работу, в заставу.

Сердцу Володьки были милы события, описанные в книге. Ему близко было и само название «пылающего острова» – Куба. Там люди дрались за свободу тяжелыми мечами, которыми они раньше рубили сахарный тростник, – здесь, рядом с Володькой, легкий клинок и подобие тростника…

Партизанский сын закрыл книгу, вздохнул и долго смотрел на красный переплет тисненой обложки.

– Луи Буссенар… Буссенар, – задумчиво шептал он. – Есть у нас такой?

Перебирал Володька людей бригады, и ни на кого нельзя было возложить столь почетной обязанности. Писать было о ком, а некому. Володьке даже взгрустнулось немного, а потом снова провихрились перед ним боевые будни, прославленные подвиги, шумной ватагой взметнулись властители дум его – бесстрашные Кочубей, Михайлов, Кандыбин, Батышев, Наливайко…

Нелепой показалась ему мысль, что не будет о них известно, что не узнает никто об этих непостижимых людях. Ведь каждый день жизни их – это целый «пылающий остров».

– Напишут… ей-богу, напишут! – громко воскликнул Володька, вскакивая на ноги. – А вырасту большой – сам напишу.

Юрий Васильевич Бондарев, «Юность командиров»

Рядом с Зиминым, навалясь грудью на стол, в глубочайшей, отрешенной задумчивости, пощипывая брови, курсант Полукаров читал донельзя потрепанную толстенную книгу. Читал он постоянно, даже в столовой, даже на дежурстве, даже в перерывах строевых занятий; пухлая его сумка была всегда набита бог знает где приобретенными романами Дюма и Луи Буссенара; от книг этих, от пожелтевших, тленных уже страниц почему-то веяло обветшалой стариной и пахло мышами; и когда Полукаров, развалкой входя в класс, увесисто бросал свою сумку на стол, из нее легкой дымовой завесой подымалась пыль.

Лев Абрамович Кассиль, «Вратарь республики»

Мальчики по-прежнему увлекались книгами. Читали Фенимора Купера и Луи Буссенара и возмущались, что даже такие писатели никак не могут обойтись без того, чтобы не испортить хорошую книжку какой-нибудь любовной историей. Даже в электротеатре «Эльдорадо», где шли картины с достаточным количеством драк, убийств и путешествий, и там все-таки люди тоже страдали и целовались гораздо больше, чем надо бы… В конце концов мальчики пришли к выводу, что без этого, очевидно, нельзя. Все герои рано или поздно влюблялись. Придется и им… Решив так, они не откладывали дела в долгий ящик.

М. Р. Маллоу, «Пять баксов для доктора Брауна»

Угол справа от двери занимали встроенные в стену книжные полки: книги, книги, книги: Марк Твен и Жюль Верн, Стивенсон и Луи Буссенар, Конан Дойл и Льюис Кэрролл – все, что к пятнадцати годам прочел любой уважающий себя человек.

* * *

Солнце пробивалось сквозь кремовые занавеси, светило на скатерть, ласкало бока фарфорового чайника, запускало шаловливый луч в вазу с печеньем. Казалось таким странным, что всего через час, а может быть, и меньше, у двоих джентльменов начнется совсем, совсем другая жизнь. И когда завтрак кончился

и стало понятно, что пора двигаться в путь, как-то даже захотелось придумать какую-нибудь причину, чтобы оттянуть отъезд. Но чемодан был собран, в саквояже лежали бутерброды с сыром, «Капитан Сорви-голова» Буссенара, два пледа, пижамы, белье и туалетные принадлежности, а сами компаньоны стояли рядом в холле.

Интересные факты из жизни писателя

По книге Тьери Шеврие «Путешественник из провинции Бос»

Луи Буссенар был человеком прекрасного атлетического телосложения и очень высокого по тем временам роста – 1 метр 92 сантиметра!

Большой любитель поесть и поклонник хорошей кухни, «скромный бонвиван» Буссенар любил отведать у кого-нибудь из своих друзей-крестьян традиционного кролика в собственном соку, запивая его полным до краев стаканом вина. Обожал он и фруктовые торты. Деревенские жители провинции Бос любили его, потому что он был «без выкрутасов», добрый, простой и никогда не изменял своим скромным привычкам. Несмотря на свое положение популярного писателя и известность в столице, он не гнушался зайти выпить вина в деревенский кабачок и, возвышаясь над остальными посетителями, чиркал о стол пороховой спичкой, чтобы разжечь трубку.

Полученное образование позволяло Луи Буссенару работать сельским врачом, и он охотно соглашался дать консультацию, принимая в качестве оплаты лишь стаканчик вина и дружеское рукопожатие. Однажды в сельском доме, куда он был вызван, Буссенар не смог выписать рецепта, поскольку не нашлось ни единого клочка бумаги. Тогда он начертал свое предписание мелом на ставне, которую потом пришлось отнести аптекарю!

Литература

Балашова Т. В. Романтика нехоженых троп // http://www.knigonosha.net/readbook/21238/1/

Бондарев Ю. В. Три повести: Юность командиров. Батальоны просят огня. Последние залпы. – М.: Воениздат, 1980. – 487 с.

Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда. – СПб: Terra Fantastica, 2003. – 383 с.

Вокруг света с Луи Буссенаром (1847–1910) // http://www.unbib.mk.ua/index.php/2009-06-10-15-06-24/48-2009-06-10-14-07-37/774 – 1847–1910.html

Интервью знаменитого писателя Бориса Стругацкого // http://top.rbc.ru/pressconf/19 /09/2011/ 616221.shtml

Кассиль Л. А. Вратарь республики: Роман. – М.: Детгиз, 1959. – 285 с.

Леонид Репин, обозреватель «КП», о своей любимой книге // http://www.tumen.kp.ru/daily/24120/ 343069/

Луи Буссенар // http://www.livelib.ru/author/ 12088

Лукницкая В. К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 302 с.

Маллоу М. Р. Пять баксов для доктора Брауна // http://lib.rus.ec/b/205186/read#t2

Мицкевич Б. Послесловие // Буссенар Л. Похитители бриллиантов: Роман в трех частях. – Ашхабад: Главн. ред. Туркмен. сов. энцикл., 1987. – С. 412–416.

Островский Н. А. Как закалялась сталь: Роман. – М.: Художественная литература, 1982. – 303 с.

Первенцев А. А. Кочубей: Роман. – М.: Воениздат, 1991. – 267 с.

Романист-путешественник // Природа и люди. – 1910. – № 52 // http://nasha-starina.ru/?p=312

Сартр Ж. П. Слова / Пер. Ю. Яхниной // Сартр Ж. П. Стена. Избранные произведения. – М.: Издательство политической литературы, 1992. – С. 367–479.

Трепетова Е. Смерть Луи Буссенара: шумиха спустя столетие // http://www.bussenar.info/statya_1.htm

Трескунов М. Послесловие // Буссенар Л., Эмар Г. Капитан Сорви-голова. Гамбусино. – М.: Правда, 1989. – С. 454–461.

Трусова В. А. Новое путешествие месье Буссенара // Буссенар Л. Приключения в стране львов / Сост. В. А. Трусова. – СПб.: Лениздат, 1992. – С. 3–8.

Учитель в моей жизни // Народное образование. – 1967. – № 10. – С. 4 – 11.

Фочкин О. Луи Сорви-голова // http://www.chitaem-vmeste.ru/pages/material.php?article = 49 amp; journal =58

Халымбаджа И. Луи Буссенар // Буссенар Л. Ледяной ад: Романы / Пер. с фр. – Пермь: Пермская книга, 1992. – С. 402–413.

Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. – М.: Советский писатель, 1991. – 544 с.

Под Южным Крестом

Глава I

Азиатский пролог приключений в Океании. – Парижанин Фрике и его матрос Пьер ле Галль. – Мысли вслух проигравшегося Превосходительства. – Монте-Карло Дальнего Востока. – Большой парад маго.[1 - Род большой бесхвостой обезьяны; во Франции так называют гротескную, уродливую статуэтку. (Здесь идалее примеч. пер., если не указано иное.)] – То, что называют «Макао». – Облапошенные игроки всех цветов кожи. – Шестидесятилетний банкомет и его благообразный облик, который нисколько не нарушают слишком длинные ногти, помогающие шулеру подрезать колоду. – Ссора в игорном доме. – Торговцы людьми и продажа желтолицых. – То, что подразумевается под словом «Барракон». – Странное судно «Лао-Цзы». – Разношерстный экипаж и офицеры без предубеждений. – Неверная дорога. – Двое французов в яме для львов.

– Итак, происходит именно то, что и ожидалось. Вы отказываетесь платить?

– Нет, сеньор, я не отказываюсь. Примите мои извинения. Просто в данный момент… я не при деньгах.

– Вы удивитесь, но я могу сказать абсолютно то же самое.

– Вы знаете, сеньор, здесь, как и в вашей славной стране, карточный долг считается долгом чести, священным долгом.

– Хм-м… священным… как и во всем мире, понятие «священный», прежде всего, зависит от того, в каком обществе ты вращаешься… а ваше общество показалось мне весьма пестрым.

– Я даю вам слово дона Бартоломео де Монте. Никто в Макао не усомнится в честном слове дона Бартоломео де Монте…

– Пф-ф!.. Слово торговца людьми…

– Ваше Превосходительство хочет сказать – слово представителя эмиграционной службы, уполномоченного Его Величеством.

– Мое Превосходительство хочет сказать именно то, что считает нужным, даже рискуя не согласиться с вами. И если мои речи вам не по нраву, то это лишь еще

больше разозлит меня. Я начинаю терять терпение, вот уже битые две недели я прозябаю в вашем аду, переполненном мошенниками…

– Но, сеньор…

– Помолчите, пожалуйста. Я уже сыт по горло вашими медовыми речами и вашей лицемерной вежливостью, вашей экзотической тарабарщиной и вашими замшелыми «превосходительствами». Вы заурядный мошенник! Я только что прекрасно видел, как вы хватаете полными пригоршнями квадруплы и дублоны[2 - Старинные испанские золотые монеты.] и передаете их своему сообщнику, который тут же устремляется к двери.

– …Мошенник? Ваше Превосходительство сказал «мошенник»?…

– Да, мошенник. Ставки и выигрыш не слишком-то интересуют меня. Я не игрок. Но я не желаю, чтобы какой-то отвратительный шоколадный паяц, типа вас, насмехался надо мной.

– Ваша молодость и ваша неопытность заставляют меня простить вам брошенное в сердцах обвинение в мошенничестве… Но ваши последние слова относительно моей внешности требуют отмщения. Завтра, сеньор, я убью вас, убью во время честной дуэли. Завтра на рассвете вы ощутите на себе всю тяжесть гнева дона Бартоломео де Монте. И пусть кровь вашего Превосходительства падет на вашу собственную голову…

Из горла первого собеседника вырвался громкий и раскатистый смех, который прервал этот странный диалог, ведущийся, с одной стороны, на отличном французском языке, на каком говорят истинные парижане, а с другой – на удивительной смеси, хотя достаточно вразумительной – португальского, испанского и французского языков.

Когда смех утих, парижанин продолжил беседу, с трудом сдерживая рвущееся наружу веселье.

– Честное слово, он так и просится в коробку для шоколада… Следует также заметить, что если я и приму всерьез его приглашение на дуэль, то явлюсь на встречу не иначе как с пятифутовой бамбуковой палкой, чтобы обратить его в бегство, его и его приспешников.

– Так и будет, – тихо пробормотал кто-то на английском, – если только он вас не зарежет сегодня вечером.

Молодой человек – а теперь мы знаем, что перед нами именно молодой человек, – слегка вздрогнул и бросил внимательный взгляд на своего застывшего противника.

– Если бы я точно это знал… я бы прямо сейчас переломал ему лапы… Но, ба! Он не осмелится, – закончил фразу юноша с истинно французской беззаботностью.

– Не забывайте, – вновь зазвучала английская речь, – мы в Макао, среди людей без чести и совести, среди торговцев человеческим мясом, для которых людская жизнь ненамного дороже жизни домашней утки.

– Месье, – в голосе молодого человека прозвучала почтительность, – позвольте мне поблагодарить вас. Что бы ни случилось, рассчитывайте на мою признательность. Я приму ваши слова к сведению.

Затем, обернувшись к своему неплатежеспособному должнику, француз вновь вернулся к насмешливому тону.

– Договорились. Мое Превосходительство окажет честь, перерезав горло, честь, конечно, не горлу, а вам… Кажется, я запутался. Но все же следует попытаться изъясниться, как этот идальго в сафьяне.

Во время сего монолога «идальго» держался за огромный колишемард,[3 - Шпага с широким клинком у эфеса, получила особое распространение в XVIII в.] один из тех славных «осколков» героических времен, которые и по сей день можно встретить в наших музеях. Бартоломео де Монте церемонно поклонился и вознамерился вернуться за ломберный стол.

– Кстати, – крайне непочтительно обратился к сопернику молодой француз, – именно этим орудием вы намереваетесь обрезать нить моей жизни? Какой же он внушительный, ваш меч…

– Это благороднейшая шпага великого Камоэнса…[4 - Луис де Камоэнс – португальский поэт, живший в XVI в.]

– Как? Еще одна… Мне уже пытались продать полдюжины шпаг, принадлежавших Камоэнсу… Хотя в нашей стране почти у каждого есть трость господина де Вольтера.

– Ну что же, сеньор. Вам осталось найти шпиговальную иглу, которая будет вам по росту.

Несколько мгновений юный француз задумчиво наблюдал за тем, как удаляется его собеседник, прихрамывая и волоча за собой чудовищный клинок, издающий необычайный грохот.

Это был совсем молодой парень, которого можно было бы принять за ребенка, если бы не дерзкое выражение серо-стальных глаз, полыхающих на бледном подвижном лице, вечно кривящемся то в проказливой, то в насмешливой улыбке. Вряд ли парижанину было больше двадцати лет.

Роста он был действительно невысокого, около ста шестидесяти сантиметров, и потому старался не потерять ни единого дюйма, выпячивая грудь колесом и вытягиваясь, словно молодой петушок, на тонких ногах, тонувших в широченных матросских штанах. Его наряд дополняли чистая фланелевая куртка ярко-голубого цвета и американская лакированная кожаная фуражка, из-под которой так и норовили выбиться непослушные светлые пряди. Трудно было понять, к какому социальному сословию принадлежит юноша, да никто среди пестрой толпы и не пытался этого сделать. Что касается самого француза, то он выглядел абсолютно удовлетворенным: молодой человек лихо подкрутил едва намечающиеся усы и расстегнул воротник шерстяной рубашки, обнажив шею поджарого атлета, бугрящуюся нешуточными мышцами.

Этот малыш, который, казалось, весил не более ста фунтов, в действительности был не слабым парнем.

Он все еще улыбался, вспоминая свою перепалку с доном Бартоломео де Монте, когда на его плечо обрушилась тяжелая рука – подобной «деликатности» позавидовал бы даже слон.

– О чем думаешь, матрос? – раздал низкий веселый голос.

– Надо же, это ты, старина Пьер!

– Собственной персоной, сынок.

– Но с помощью какого дьявола ты смог разыскать меня здесь?

– Все проще простого. Когда я увидел, как ты взял курс на этот проклятый Богом камбуз, я сказал себе: «Фрике[5 - Фрике – полевой воробей.] никогда не сталкивался с этими обезьянами в шелковых оборках, под которыми они прячут животы тюленей. Он плохо знает этих дрянных португальских мулатов, которые ладят между собой, как пираты на ярмарке». И тогда, опасаясь за твою обшивку, я на всех парусах помчался в город. Проплутав несколько вахт по таким же узким, но более крутым, чем палубный трап, улочкам, я в конце концов кинул якорь в этой пестрой лачуге, в которой бы даже козел задохнулся и которая больше всего напоминает трюм корабля работорговцев.

– Мой славный Пьер! – растроганно воскликнул Фрике. – Тебя не исправить. Где бы ты ни был, ты всегда заботишься обо мне, и твоя преданная дружба…

– Глупости, матрос. Я твой должник, черт возьми! Ты помогал мне не раз и не два! И это не считая того случая, когда мы познакомились там, близ экватора, в Африке, между глотками кайманов и челюстями каннибалов. Ты отлично знаешь, сынок, я твой матрос. Это между нами на всю жизнь, с тех самых пор, как мой покойный матрос, бедняга Ивон, отхлебнул из слишком большой кружки… настоящая смерть для моряка, скажу я тебе! Так что, если кругом буря и воет ветер, если град колошматит по палубе, стягивай шкоты! Иди на рифы, ставь марсель[6 - Прямой, второй (или третий) снизу парус на судах с прямым парусным вооружением (мор.).] или, если надо, двигай вовсе без парусов… Звонит судовой колокол, батареи готовы к бою… Огонь по желанию!.. И вот ты уже направляешься прямо на корм рыбам!.. И лучше с кем-то в компании, чем в полном одиночестве, – вот каково мое мнение.

Молодой человек улыбался, но при этом выглядел задумчивым.

– Все это смешит тебя, сынок. Я отлично знаю, что ты оснащен и вооружен, как крейсер второго ряда, что твой торс крепче стального листа и так же внушителен, как отличная золотая монета, и что вся эта тухлая треска волнует тебя так же, как огромного кита крошечный рыболовный крючок.

Фрике по-прежнему улыбался.

– Но надо сказать… – продолжил Пьер, и следует заметить, что подобная болтливость иногда свойственна морякам, обычно скупым на слова, но уж если они начинают разглагольствовать, то мало кто их остановит, – …надо сказать, что каждая из этих жаб стоит десяти человек, и даже меня, старого кашалота Пьера ле Галля, родом из Ле Конке,[7 - Ле Конке – портовый город в Бретани.] они потопят, будто сметя ударом водореза.

На самом деле Пьер ле Галль наговаривал на себя. Любой позавидовал бы той недюжинной силе, которой был наделен этот славный малый. Немногим выше Фрике, моряк был вдвое шире юного француза: квадратные плечи, массивная грудь, рвущая рубаху, огромные кулаки, каждый размером с голову ребенка, толстенные кривые ноги – все это способствовало тому, чтобы сразу же разглядеть во вновь прибывшем грозного искателя приключений, которого лучше иметь в качестве друга, чем в качестве врага.

Но лицо Пьера резко контрастировало с туловищем бизона! Лицо суровое, и при этом открытое, лицо настоящего матроса со светлыми глазами, над которыми расположились выгоревшие изогнутые брови. Его обветренные щеки, продубленные солеными брызгами всех океанов и опаленные солнцами обоих полушарий, были окружены густой, колючей шкиперской бородкой, столь дорогой каждому морскому бродяге. Короче, невысокий Пьер ле Галль, со своей характерной походкой вразвалку, со своей чудесной сноровкой моряка, ступившего на твердую землю, производил впечатление (и оно не было ошибочным) настоящего матроса. Судя по всему, под парусами он ходил уже давно, ведь здоровяку явно перевалило за сорок.

– Но ты все молчишь и молчишь, сынок, – обратился Пьер к своему юному спутнику.

Молодой человек в двух словах описал свои похождения, а затем добавил:

– Я думал о том, что мы, бродяги, посетившие немало стран, путешествующие по небу и по земле, на кораблях, пешком, верхом, на слонах или в паланкинах, можем увидеть здесь забавное и несколько неожиданное зрелище. Взгляни на этого недоноска, с которым мне пришлось иметь дело. И надо же! «Это» является наследником сильной, великой расы! Этот огрызок пряника, с ногами

таксы, с угольным лицом, теряющимся в складках комичного воротника, этот самодовольный паяц, в жилах которого течет португальская и китайская кровь, разбавленная кровью негров, индийцев или малайцев, возможно, имеет среди своих предков таких героев, как Альбукерк, Бартелеми Диаз или Васко де Гама. Как чахлое растение, «это» влачит жалкое существование в гнилой атмосфере, испорченной как азиатами, так и европейцами. «Это» поклоняется буддам с четырьмя головами и восемью руками, которых величает святым Иеронимом или святым Иоанном, но в то же время «это» почитает лишь дьявола под всеми его личинами, и ко всему прочему «это» торгует людьми! Суеверия, измена, трусость, барышничество – вот как в четырех словах можно описать моральный облик всех этих «Бартоломео де Монте».

Матрос с отрытым ртом слушал обличительный вердикт своего товарища. Казалось, восхищение буквально лишило его дара речи.

– А знаешь, матрос, – наконец выдавил Пьер, и восторженное выражение, озарившее суровое лицо, стало почти комичным, – знаешь, ты стал настоящим ученым за те два года, что провел на суше… Таким же ученым, как первоклассный врач, да-да. Гром мне в паруса!.. Теперь твой ум стал гибким, как шкентель.[8 - Короткий, большей частью смоленый трос (мор.).]

– Что ты хочешь, мой старый друг, я трудился… я вкалывал, пока мог. Ах! Если бы только не все эти неприятности, которые обрушились на месье Андре!

– Еще один серьезный мужчина, бедовый, словно морской волк.

– Вот он, наш настоящий учитель – Пьер ле Галль, – почтительно добавил Фрике. – И ты действительно мой матрос, и я, вне всякого сомнения, люблю тебя как родного брата, и если бы не все эти пробоины в нашем трюме с экю, я бы продолжал свое обучение вместо того, чтобы заявиться сюда на дрянной барже за кули[9 - Низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие в Китае, Индии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии.] для нашего предприятия.

– По крайней мере, мы вырвем этих бедняг из когтей торговцев живым товаром, с нами они будут счастливы.

– Без сомнения. Ты знаешь правила компании «Planteurs-Voyageurs».[10 - «Плантаторы-путешественники».] Суматры: набрать здесь этих несчастных, с

которыми торговцы обращаются не лучше, чем со скотом, привезти их на место и превратить в подсобных рабочих, а не в рабов, обращаться с ними как с людьми, щедро оплачивать их труд так, чтобы заинтересовать в получении прибыли.

– Если бы они знали судьбу, которая ожидает их у нас, они бы не отказывались уезжать из этого ада, не правда ли?

– Все верно, но, увы, большая часть из них слышала рассказы об аде, в котором добывается гуано, и об отвратительном обращении с эмигрантами. На десять вернувшихся с небольшими сбережениями приходится сотня тех, кто возвращается на родину в гробу, на борту «корабля мертвецов».[11 - В договоре-найме китайских кули имелось условие, согласно которому нанимающая их сторона обязывалась вернуть рабочих на родину живыми или мертвыми. «Жители Поднебесной», как называли китайцев англичане, хотели покоиться лишь в земле своих предков. Время от времени в местах иммиграции суда брали на борт гробы с несчастными жертвами непосильного труда и возвращали тела усопших в Китай. Этот обычай дал повод к организации активной контрабандистской деятельности. Многие гробы наполнялись товарами, которые обычно облагались таможенными пошлинами. Такой груз беспрепятственно проходил мимо представителей властей, которые не решались потревожить страшный груз. (Примеч. авт.)]

– Наконец-то мы все уладили и теперь смело можем выйти в море.

– Мы отплываем завтра утром… сразу же, как я решу вопрос с шоколадным человечком.

– Если у тебя больше нет дел в этом притоне, мы поднимаем якорь.

– Мне надо сказать пару слов одному из взбешенных игроков, которому я должен вручить наличные до нашего отправления, и я всецело принадлежу тебе.

Молодой человек ловко нырнул в толпу и оставил друга созерцать странный спектакль, разыгрывающийся вокруг него. Среди прекрасных разноцветных фонариков, отбрасывающих причудливые блики на пол и стены, волновалось море людей самого разного цвета кожи, возраста и толщины. Многие из них напоминали фигурки, сошедшие с расписной ширмы. От столов, где в изобилии

были расставлены микроскопические емкости с яствами китайской кухни, отходили мужчины, наряженные в блестящие шелковые куртки, порой весьма засаленные, потряхивая тонкими косичками, доходившими почти до пояса, с лицами, одурманенными опиумом, с улыбками слабоумных, они укладывали свои животы на края ломберных столов.

Играли в «Макао». Эта игра хорошо известна во Франции. Обычно она идет между банкующим и любым количеством игроков-понтёров. Для игры используют одну или несколько карточных колод. Банкующий сдает каждому из игроков по карте, которую никто не должен видеть. Затем понтёр объявляет: «достаточно» или «карту, пожалуйста», в зависимости от того, насколько его карта приближена к «девятке». После этого первая карта, как и последующие, если они были необходимы, открываются. Если понтёр получил «картинку» или набрал более девяти очков, значит, он «лопнул»; проигравший бросает карты на стол и отдает свою ставку банкующему, который вскрывается последним и поэтому легко решает, прикупать ему еще карты или нет. Если банкующий «лопнул», он выплачивает каждому игроку сумму, равную его изначальной ставке. Обычно же банкующий собирает деньги с каждого понтёра, у которого оказались более «слабые» карты. Если игрок с первого раза получает «девятку», то он автоматически выигрывает и банкующий выплачивает ему тройную ставку. «Восемь» и «семь» соответственно оцениваются в две и одну ставки.

Богатые торговцы, выходцы из Южного Китая, с острова Хайнань, из Гуандуна, из Фуцзяня и даже из Цзянси, Юньнаня и Шэньяна приезжали в португальский ад удовлетворить всем известную страсть к азартным играм. Вне всякого сомнения, Макао можно было назвать Монте-Карло Дальнего Востока; во всем Китае только здесь игра была разрешена официально: Сыновья Неба позаботились о том, чтобы строго-настрого запретить ее в своих государствах!

Помимо жителей Поднебесной, которые явно пребывали в большинстве, в зале находилось около двух или трех дюжин донов Бартоломео де Монте, причудливо разряженных по европейской моде. Темнолицые, словно злодеи-предатели из мелодрамы, эти полукровки все как на подбор бахвалились огромными шпагами, каждая из которых принадлежала автору «Лузиады»; было здесь и несколько настоящих португальцев из Европы в сияющей униформе правительственных служащих, а также несколько американцев с козлиной бородкой, квадратными плечами, голосом, сиплым от виски, – в основном, офицеры судов, перевозящих кули.

Шестидесятилетний банкующий с длинными седыми волосами, собранными в хвостик, в огромных очках, с отвислыми губами, с бородкой, заплетенной в шесть косичек, с ногтями невероятной длины, ловко тасовал карты, засаленные, как воротник сюртука судебного исполнителя. Покачивая справа налево, слева направо и вверх вниз головой китайского болванчика, он бросал сквозь стекла очков внимательные и жадные взгляды на пачки банкнотов, груды фунтов стерлингов и долларов, не пренебрегая таэлями[12 - Старинная китайская монета.] и скромными сапеками.[13 - Мелкая монета в Китае и Индокитае.]

Безраздельно увлеченный своим делом, мужчина, не теряя ни крупицы карикатурной степенности, одной рукой кидал удвоенные или утроенные ставки счастливым понтёрам, а другой, с гребком из слоновой кости, собирал деньги, которые ему подарила удача. Абсолютно невозмутимый среди невероятного шума, производимого гнусавыми негармоничными голосами жителей Поднебесной, позвякивающими словно потрескавшиеся колокольчики, банкующий алчно сгребал и сгребал деньги. На его лице застыла наглая усмешка. Настолько наглая, что некий американский капитан, полностью истощивший свой массивный кошель, перестал играть и принялся самым внимательным образом следить за маневрами крупье. После получаса наблюдений соотечественник Кожаного Чулка что-то заметил. Он лениво поднялся и, не торопясь, не производя лишнего шума, – казалось, будто бы американец ступил на тропу бизонов, пролегающую по Дикому Западу, – подкрался сзади к банкующему.

– Каторжник!.. Шулер!.. Грязный пес!.. Ворюга! – взревел капитан громовым голосом, который заставил смущенно замолчать потрескавшиеся колокольчики.

Затем железной рукой, привыкшей управлять штурвалом, моряк схватил банкующего за хвост из седых волос, грубо выдернул китайца из кресла, так, что тот полетел кубарем на пол. Не прекращая сыпать проклятиями, американец вытащил длинный нож и три или четыре раза полоснул им по многослойной тунике, прикрывавшей жиры жителя Поднебесной.

О чудо! Ткань под натиском стали лопнула, и на пол хлынул водопад «семерок», «восьмерок» и «девяток», что вызвало взрыв возмущения среди игроков, которые до сих пор считали банкующего старичком кристальной честности.

Сей акт короткой и запоздалой справедливости вызвал всеобщую суматоху, которая все усиливалась и усиливалась, чем не преминули воспользоваться все

доны Бартоломео де Монте, кинувшиеся на оставленные без внимания деньги. Но, как оказалось, кинулись все, кроме одного: Фрике, с интересом созерцавший свару китайских болванчиков, неожиданно почувствовал острую боль в правом плече. Молодой человек резко повернулся и оказался лицом к лицу со своим противником, который снова занес нож и примеривался, как бы половчее нанести удар.

Француз перехватил запястье нападавшего и словно клещами сжал его. Мулат, ощутивший, как трещат кости его руки, принялся истошно вопить, умоляя:

– Смилуйтесь!.. Сеньор!.. Ай-ай-ай! Вы сломаете мне руку…

– Мерзавец, – зло выкрикнул Фрике, – тебе мало того, что ты меня обворовал, ведь совсем недавно именно ты занимал место старого шулера, так ты еще и зарезать меня решил?!

– Смилуйтесь!.. Я едва вас задел. Какой-то желтолицый… падая… отвел удар… я вас ранил лишь слегка… смилуйтесь.

Незамысловатость подобного доказательства развеселила молодого человека, и он ослабил пальцы.

– Гнусная макака, – продолжил он, то ли злясь, то ли смеясь, – я могу раскроить тебе череп ударом каблука или пригвоздить тебя к стене, как чучело совы… но я довольствуюсь тем, что разоружу тебя… давай нож… шпагу и проваливай… чем быстрее, тем лучше.

– Ты не прав, матрос, – вступил в разговор подоспевший Пьер ле Галль, который, пробираясь к своему другу, растолкал направо и налево жирные животы в стеганых куртках; понтёры верещали, словно стая ощипанных соек. – Ну, ладно, если уж ты так решил… Идем, готовься к повороту. Отдать паруса. Полный вперед. Ведь завтра нам вставать ни свет ни заря. По крайней мере, твоя рана не слишком серьезна?

– Обычная ссадина.

– Отлично. «Прощай, уходим в море…».

И два друга покинули игорный дом, все еще сотрясаемый грохотом, и направились к месту своего временного проживания, которое Пьер ле Галль именовал весьма непочтительно: «корыто».

Что правда, то правда: нелегкая вещь сориентироваться в запутанном лабиринте темных, узких и крутых улочек Макао, напоминающих водосточные трубы. Эти улочки скользили меж гранитных домов, чьи окна украшали решетки, напоминающие решетки на дверях тюрем, ползли по скалистым уступам, извивались по склонам восьми или десяти гор, на которых были возведены крепости Святого Франциска в Барре, Святого Иеронима в Гуиа, Святого Павла в Бом-Парто, Святого Иоанна и т. д. Город Макао был основан в 1557 году португальцами, после того как в 1516 году Перестрелло открыл реку Кантон. Население Макао, расположенного на оконечности одноименного полуострова, сегодня насчитывает 125 000 китайцев и 2 500 португальцев. Отлично укрепленная португальская часть города с редутами, ощетинившимися пушками, отделена от китайской части Макао внушительной стеной, которую бдительно охраняют солдаты-европейцы, попасть за нее ночью можно, лишь зная пароль. Два наших приятеля, не имеющие проводника, плутали по темным закоулкам, преследуемые ночными бродягами, которые не задумываясь ограбили бы французов, если бы их не смущал уверенный вид друзей и огромная шпага дона Бартоломео де Монте, которую Фрике держал в руках. Время от времени юноша делал шуточный выпад, что позволяло заподозрить в нем виртуозного фехтовальщика.

Через некоторое время Пьер ле Галль полностью исчерпал словарь морских ругательств, а Фрике так и не смог взять курс на «корыто». В какой-то момент друзьям показалось, что они слышат высокий дребезжащий голосок португальского мулата, которому вторил мужской раскатистый голос.

– Не нравится мне эта затея, – ворчал низкий голос. – …Уж лучше я это…

Французы сделали несколько шагов, и им показалось, что они различают массивную фигуру американского капитана, которая тут же исчезла в непроглядной темноте переулков. Короче, вся ночь прошла в безрезультатных поисках «корыта», и лишь ближе к утру счастливый случай привел приятелей к округу Монте, где находился «Барракон», или перевалочный пункт китайских эмигрантов. Гостиница, в которой остановились французы, размещалась прямо напротив, около развалин старого монастыря иезуитов.

Первым человеческим существом, которого встретили Пьер ле Галль и Фрике, оказался все тот же чертов португалец. Он выходил из «Барракона», неся в руках пухлый кошель, набитый металлическими дисками.

С бесстыдством, которое одновременно казалось гнусным и комичным, странный тип подошел к Фрике и осведомился о драгоценном здоровье Его Превосходительства; затем, без сомнения, успокоенный ответом молодого француза, мулат медленно удалился, недобро улыбаясь.

– До свидания, сеньор, прощайте и примите мои извинения. Поверьте мне, вы никогда не забудете вашу встречу с доном Бартоломео де Монте.

Пьер ле Галль и Фрике направились в контору торговца людьми. Это место, где велись торги «человеческим скотом», на первый взгляд, не выглядело отвратительным, а напротив, поражало изысканностью убранства. Пьер ле Галль, хорошо разбиравшийся в данном вопросе, утверждал, что помещение с затейливой деревянной обшивкой, с роскошными фарфоровыми вазами и цветами, с мебелью красного дерева, напоминает каюты первого класса трансатлантического парохода.

Но все эти массивные двери из красного дерева открывались в грязные коридоры, где теснилось множество людей, терзаемых паразитами, одетых в жалкие лохмотья, истощенных болезнями, голодом и лишениями; все эти бедняги ожидали скорой отправки в дальние страны.

Военнопленные из провинций Южного Китая или рыбаки с побережья, похищенные пиратами, – все они стали собственностью «торговцев людьми», у которых имелись эмиссары в каждом порту. Именно эти бедолаги составляли добрую треть «эмигрантов». Ко второй трети относились те несчастные, которые умирали с голоду в родном краю и прельстились на лживые посулы вербовщиков, восхваляющих чудеса Эльдорадо, что зовется Островами Чинча.[14 - Группа из трех островов рядом с побережьем Перу, которые приобрели огромное хозяйственное значение в XIX в., когда здесь были обнаружены богатейшие залежи гуано.] В последнюю треть входили иностранцы – и вряд ли это добавит чести европейскому обществу, которые сами отыскивали китайских дельцов, открывавших им двери в официально разрешенные игорные дома. Тысячи игроков, мечтающих испытать удачу! Что же происходило дальше? Девяносто процентов из них спускали все свое состояние за несколько дней. Тогда китайские дельцы предоставляли проигравшимся кредиты, кормили их, а

затем, когда наступал роковой час расплаты, должники становились заложниками этих кровавых ростовщиков, которым португальский закон предоставляет право лишать свободы за долги.

Следует заметить, португальское правительство, руководствуясь благими намерениями, внимательно следило за так называемыми «добровольно нанимающимися» рабочими и старалось, насколько это возможно, смягчить судьбу эмигрантов. Но разве можно требовать от разорившихся должников свидетельство о месте рождения, когда торговцы получают от тридцати до пятидесяти франков «за голову»? И когда «прокурадор», португальский судебный чиновник, приходил и спрашивал у несчастных, по своей ли воле нанимаются они на работу, те неизменно отвечали: «да». Разве кто-нибудь захочет вновь попадать в зависимость от вербовщиков и мандаринов, получивших огромные взятки? Бедняки отлично знали, если они откажутся уезжать, то попадут в лапы безжалостной триады палачей: мелкие чиновники, посредники и мандарины будут мучить их до тех пор, пока не прозвучит фатальное «да».

Но если десять тысяч китайцев, ежегодно уезжающих из Макао в Кальяо, и пять тысяч рабочих, отправленных в Гавану, испытывают на себе грубое обращение новых хозяев, то французские колонисты Гайаны, Антильских островов или Кохинхины обращаются с работниками вполне по-человечески, и кули, услышавшие, что имеют дело с французами, покидают родину с неизменной готовностью. К несчастью, те, кто попадают в наши владения, составляют ничтожное меньшинство.

Итак, как было сказано раньше, Пьер ле Галль и Фрике прибыли в Макао по поручению некой французской компании в поисках сотни рабочих. Друзья должны были объяснить труженикам, что им улыбнулась удача.

Судно, нанятое для транспортировки эмигрантов, оказалось кораблем смешанного типа, водоизмещением в восемьсот тонн; оно было оснащено тремя парусными мачтами и машиной в двадцать лошадиных сил. Корабль был построен в Америке, но из соображений деликатности судовладелец наделил судно китайским именем. Оно звалось «Лао-Цзы». Кроме того, капитан велел нарисовать на корме огромный глаз, призванный уберечь команду от сглаза, – подобные рисунки украшают китайские джонки. На этом весьма эфемерная связь корабля с Поднебесной заканчивалась.

Все формальности, связанные со вступлением кули во владение, были улажены, и все документы, касающиеся погрузки рабочих, подписаны обоими французами. Откупщик, который, следует заметить, уже выплатил по пятьдесят франков за каждого китайца своему посреднику и триста франков вербовщику, выстроил кули перед португальским прокурадором. Колониальный судья спросил у каждого желтолицего работяги, уезжает ли тот по своей воле: «да» или «нет»? Большая часть тех, кто во время предыдущего «допроса» ответили «нет», поспешили утвердительно качнуть головой, чтобы поскорее освободиться от постыдной опеки хозяев «Барракона». Нередко из пятисот китайцев, опрошенных португальским уполномоченным, сотня работников в принципе отказывалась уезжать. Но, увы, после более или менее продолжительного пребывания в перевалочном пункте несчастные становились много сговорчивее.

Кули, согласившиеся на отъезд, вновь на неделю помещались в «Барракон», после чего колониальный судья задавал им все тот же вопрос. Некоторые китайцы продолжали колебаться и ждать чуда, вопреки уготованной им судьбе. Из уст других звучало весьма категоричное «да». В конце концов, человеческий груз размещался в трюмах, и на следующий день после подписания контрактов прокурадором судно готовилось поднять якорь. Документ, составленный на двух языках, китайском и португальском, подписывали китайские чиновники, а затем заверяли уполномоченный короля и консул Испании. Приблизительно такой договор выглядел следующим образом:

«Я, такой-то, родившийся в… числа… года… нанимаюсь на работу и обязуюсь трудиться по двенадцать часов в сутки (количество рабочих часов во французских колониях равнялось всего лишь семи) в течение восьми лет на службе у владельца сего контракта. На это время я обязуюсь отказаться от любой свободы.

Мой наниматель берет на себя обязательство кормить меня, ежемесячно выплачивать мне четыре пиастра (20 франков) и вернуть мне свободу в день, когда истечет срок данного контракта».

В обычное время цена китайца – если говорить на языке откупщиков, отправлявшихся в Кальяо, на Кубу или же на острова Гуано, – составляла триста пятьдесят долларов (1,750 франков) и складывалась из следующих цифр: как уже было сказано, пятьдесят франков получал посредник и триста – вербовщик; четыреста франков взимал «Барракон», пятьсот требовал капитан и еще пятьсот – торговое агентство, расположенное в пункте прибытия. Итого – 1,750 франков.

И если бы хоть что-нибудь из этих денег перепадало работникам, нанявшимся добровольно, – нет, вся прибыль оседала в карманах бесстыжих барыг проклятого полуострова.

Фрике и Пьер ле Галль, договаривавшиеся напрямую с местной компанией, сэкономили пятьсот франков, которые взимает при прибытии агентство, расположенное в стране назначения. Молодой человек выложил за каждого кули тысячу двести пятьдесят франков, то есть за сотню работников сто двадцать пять тысяч – все состояние его друзей из Суматры.

Покончив с последней и самой важной формальностью, оба приятеля ощутили непередаваемое облегчение: наконец-то они могут не участвовать в этом опротивевшем им спектакле, героями которого они оставались целых две недели, и поспешили на борт «Лао-Цзы». На судне находилось еще двести пассажиров, направлявшихся к голландским владениям на Борнео и Яве.

Трехмачтовый корабль «Лао-Цзы» казался весьма странной посудиной и производил скорее отталкивающее впечатление. Прежде всего, в глаза бросалась отвратительная грязища, царившая на судне; экипаж был весьма разношерстным: по всей видимости, его набирали в самых разных уголках света. Небывалое количество различных товаров громоздилось прямо на палубе: массивные тюки, ящики с провизией, мешки риса, клетки, в которых копошилась и пищала целая орда домашней птицы; птичьему гомону вторило жалобное блеяние баранов и хрюканье «эскадрона» свиней, толпившихся у изгороди, возведенной прямо позади рубки; тут же суетились пассажиры и матросы – именно так выглядело судно, готовящееся к отплытию.

При виде этой истинно американской неразберихи Пьер ле Галль, образцовый моряк, привыкший к аккуратности и чистоте французских военных кораблей, скорчил многозначительную гримасу.

– Дурной кучер у этой лохани, бороздящей соленую воду!.. Бездарный поваренок, – прошептал достойный мореплаватель. – Действительно, надо быть настоящим пиратом Китайского моря, чтобы так испоганить плавучую машину. А экипаж! Ты только взгляни на этот экипаж: здесь и индусы в белых куртках, и черномазые жители Африки, прикрытые фиговым листком, и косоглазые малайцы, и еще двадцать пять или тридцать фигляров с косичками… И это матросы?… Нет, скорее это зверинец!

В этот момент с мостика прозвучало сакраментальное «Go ahead»[15 - Сленговое выражение типа «поехали».] капитана, и корабль отвалил от пристани.

– Надо же! Надо же! – в свою очередь пробормотал Фрике, глядя на старшего помощника капитана, занявшего согласно расписанию место на корме. – Если я не ошибаюсь, это старший помощник, с которым мы имели дело, пока оставались на суше. Что касается капитана… Ха!.. Черт возьми, это тот самый парень, который вчера в игорном доме устроил взбучку банкующему с загнутыми ногтями.

– Да-да, чистая правда, – согласился Пьер ле Галль. – Интересно, чем этот пират занимался последние две недели?

– Вне всякого сомнения, он ошивался на берегу, обделывая свои делишки.

– Во всяком случае, он достоин своего старшего помощника. Что касается последнего, то я не понимаю, как он мог довести корабль до такого состояния. Палуба заросла грязью, свиньи в загоне учинили форменный кавардак, куски угля прогуливаются по всему судну в компании неряшливых тюков; за руль можно браться, лишь надев перчатки, а корабельные шлюпки одна грязнее другой, да еще ко всему прочему забиты какими-то свертками!

– Наш пират экономит место. Трюм и нижняя палуба переполнены иммигрантами, его посудина с трудом вмещает столько людей. Поэтому он предпочитает оставить продовольствие на палубе, чтобы не загружать трюмы.

– Ну что же! Станет только чище, если сильные волны пройдутся по просевшей палубе.

Прогнозы славного малого сбылись очень скоро. «Лао-Цзы», преодолев «Сульфурский канал», миновал острова Сико, Патунг, Чунг и Лантао. Вскоре он вышел в открытое море.

Стоял ноябрь. Время, которое лучше пережидать в надежном убежище; с северо-запада дул муссон, принося с берега туман, клочья которого плавали в воздухе. Море, и так неспокойное в этих местах, бесновалось, накатывая невысокие, но сильные волны. Судно крутилось каким-то невероятным образом, а палуба, на которую то и дело обрушивались тонны воды, быстро превратилась

в безымянное болото.

Капитан, уверенный, что все идет наилучшим образом, прогуливался по мостику с довольным видом, ежеминутно сплевывая желтую слюну.

– Да что же это такое! – раздраженно проворчал Пьер ле Галль. – Неужели эта морская свинка не собирается ставить паруса? Это помогло бы выровнять корабль, иначе несчастные люди, заключенные в трюмы, в ближайшее время превратятся в кашу. Сейчас самое время действовать!

В тот же момент прозвучал свисток, и рой китайцев с косичками, пронзительно крича, ринулся к рангоуту,[16 - Общее название устройств для подъема и растягивания парусов, он обеспечивает их постановку и удерживает в рабочем положении (мор.).] матросы завертелись, словно флюгеры, вокруг бакштагов,[17 - Снасть в виде троса для закрепления судовых мачт (мор.).] удерживая трос зажатым между пальцами ног. Грот, фок и большой кливер были ориентированы левым галсом, и судно прекратило крутиться.

Весь этот маневр, полностью соответствующий пожеланиям Пьера ле Галля, тем не менее совершенно не удовлетворил французского морского волка.

– Ничего не понимаю, – сказал он Фрике, – однако у меня еще нет помрачения рассудка. Мы идем не тем курсом. Сейчас ноябрь. Северо-западный муссон дует уже целый месяц, мы должны идти на Сингапур при попутном ветре. Между тем мы идем левым галсом, как будто бы направляемся к Филиппинам.

– Что ты хочешь, что бы я тебе ответил, матрос? Ты же отлично знаешь, что я ничего не смыслю в управлении парусами.

– Тогда поверь мне, происходит что-то непонятное.

– Ба! Наш пират не может быть таким профаном в навигации. Вероятно, у него есть свой план. Пойдем вздремнем, а завтра разберемся в том, что происходит.

Спал Пьер ле Галль плохо. Проснулся он на заре, смущенный молчанием двигателя и отсутствием дрожания винта. Вскочив одним махом, моряк устремился на палубу. Увиденное настолько поразило его, что он не удержался

от крепкого словца, – ветер так раздувал паруса, что рангоут вот-вот мог не выдержать. Все паруса, включая бом-брамсель, кливер и лисель, чуть не лопались, наполненные дыханием муссона. Судно стонало, прыгая на волнах, мачты трещали под напорами ветра. Лаг должен был показывать не меньше десяти узлов.

«Конечно, не слишком хорошо, ну да ладно, – подумал храбрый матрос, махнув рукой, – это называется поймать попутный ветер. Но почему этот негодяй по-прежнему правит на юго-восток? Что-то нелегко у меня на сердце».

И моряк решил взглянуть на компас. Планка с компасом была размещена на высокой платформе, защищенной от сильных волн, именно туда и собрался подняться Пьер.

– Сюда нельзя, – свирепо пророкотал американский матрос, стоящий около рулевого. На поясе янки красовался револьвер.

– Я хотел бы взглянуть на компас, – холодно заметил бретонец.

– Сюда нельзя, – повторил янки еще более суровым тоном.

Совершенно сбитый с толку, Пьер вернулся на палубу, где встретил старшего помощника, намеревавшегося заступить на вахту. Он сообщил офицеру о том грубом отказе, который только что получил.

– Курс корабля – не ваше дело, – резко ответил офицер. – Вы здесь не на прогулочном пароходе.

– Это я заметил еще вчера, – проворчал Пьер ле Галль. – Ладно… молчок. Поживем – увидим.

И, не добавив больше ни слова, француз спустился в свою каюту. Проснувшийся Фрике увидел, как его друг проверяет патроны в револьвере.

– Э! За каким дьяволом ты это делаешь, матрос?

– Я хочу быть готовым опалить… морду этому жалкому псу, запершему нас в ловушке.

– Черт возьми! Неужели дела так плохи?

– Даже хуже, чем ты думаешь, матрос. Или я сильно заблуждаюсь, или мы попали в передрягу.

– Ба! Такие прожженные парни, как мы, не могут пасть духом в первые минуты грядущей опасности.

– Если бы на кону стояли только наши шкуры… я бы наплевал на это, как на эскадру на луне. Но мы ответственны за жизни наших подопечных, нанявшихся на работу… и за состояние наших друзей.

– Сто чертей! – задумчиво промолвил Фрике. – А ведь ты прав.

– Итак, если все обернется самым худшим образом, я превращу мозги янки в рагу. Хотя здесь уж слишком много американцев.

Наступил час обеда, и оба наши путешественника, несколько озадаченные, отдали дань ужасной смеси из топленого свиного сала, вонючей рыбы, чеснока и острого перца, которую им принесли еще более вонючие и липкие китайцы. Удивительное дело, съев все это месиво с аппетитом людей, чей желудок привык к любым превратностям судьбы, французы заснули мертвым сном.

Когда друзья проснулись, а спали они, по всей видимости, довольно долго, их окружала кромешная темнота. Их головы гудели, казалось, будто бы череп сжимает тяжелый железный обруч. Ни Фрике, ни Пьер не могли пошевелиться.

– Но, – пробормотал Фрике, голос которого дрожал от ярости, – я встал на якорь, у меня связаны все четыре лапы!..

– Кровь Господня! – взревел Пьер ле Галль, – мы попали в яму для львов.

Глава II

Двое достойнейших мужчин под строжайшим арестом. – В которой Пьер ле Галль осыпает себя упреками, настолько же красочными, насколько незаслуженными. – Бретонский моряк и мысли не допускает, что его будут кормить с ложечки. – Замыслы бандитов. – Ужасные угрозы. – Почему пират не выбросил двух пассажиров за борт? – Два пути из Макао в Сидней. – На всех парах через рифы. – Отчаянный маневр. – Непоправимая авария. – Прощайте, добрые деньки. – На коралловом рифе. – Гибель судна. – Капитан, который первым покидает гибнущий корабль. – То, что происходило в глубине трюма в то время, когда «Лао-Цзы» был выброшен на берег. – Побег эмигрантов.

Фрике был совершенно прав, а вот Пьер ле Галль ошибался. Оба друга действительно оказались пленниками, но находились они вовсе не в яме со львами, а в их собственной каюте.

Мощный наркотик парализовал небывалую силу атлетов и свел на нет любое сопротивление, которое могло бы дорого стоить людям, пришедшим пленить французов.

Только тот, кто вел жизнь, полную приключений, и всегда держался настороже, сразу же мог трезво оценить безвыходность сложившейся ситуации.

Именно поэтому Фрике и Пьер лишь для проформы проверили надежность удерживающих их пут, а затем, убедившись в тщетности усилий, застыли в неподвижности.

Первым нарушил молчание Фрике.

– Пьер, – сказал он тихо, – я простофиля. Еще вчера я должен был задуматься над твоими словами и принять все меры предосторожности.

– Много бы ты мог сделать!

– Разумеется.

– Каким же это образом, сынок?

– Ха! Черт побери, я бы схватил за шиворот старшего помощника, а в это время ты взял бы в оборот капитана. Затем мы бы посадили на якорь обоих пройдох, спрятав их в надежном месте, после чего тебе бы ничто не помешало взять на себя командование кораблем, вернуть судно на верный курс и по прибытии в пункт назначения сдать обоих янки местным властям.

– Конечно, твой план неплох, матрос, и я не сомневаюсь, что мы действительно смогли бы их скрутить и что оба пирата не слишком много бы весили, вися на абордажных крюках, которые мы зажали бы в кулаках. Но… это было бы слишком рискованно.

– И в чем заключается твое «но»?

– Прежде всего, ты не взял в расчет пятерых или шестерых американских матросов. Настоящая свора безбожников, которые ходят, едят и даже спят с револьверами на боку; плюс люди, находящиеся в машинном отделении, которых мы еще не видели. Я полагаю, что добрая треть из них – белые. Что же касается экипажа всех цветов кожи, то я не знаю, на каких языках говорят эти бедолаги, и я бы не смог с ними объясняться, тогда бы мне пришлось командовать с горем пополам… В итоге, как видишь, сынок, мне придется вернуться к тому, что я уже сказал. Это было бы слишком рискованно. Подумай немного… Управлять судном вдвоем… та еще работенка. Нет, я не утверждаю, что это невозможно. Будь у нас время, вероятно, наша затея и удалась бы, но вот так сразу, с наскока… Плюс ко всему мои предположения насчет изменения курса не подкреплялись никакими очевидными доказательствами. И наконец, вся эта дьявольская ответственность, связанная с несчастными чертягами, которых мы должны доставить на место в целости и сохранности.

– Эх! Гром и молния, я не забыл о них, и это злит меня еще больше. Я могу лишь без конца повторять тебе то, что сказал вчера: «Ах! Если бы на кону стояли только наши шкуры!»

– Вот это верно. Даже когда у меня появляются свои собственные средства, я тут же глупею; и сразу же спешу избавиться от них, стоит мне ступить на твердую землю… А уж если речь заходит о состоянии других людей… Я ничего не слышу и ни вижу – так боюсь попасть впросак. Мне кажется, что у меня в груди вместо

сердца куски пакли и что мои мозги заменили на полный горшок корабельной смолы.

– Подводя итог и поразмыслив над тем положением, в которое мы попали, можно быть совершенно уверенным, что нас облапошили, как последних простофиль. Я отчетливо вижу, что в этой игре замешан пират, который командует этими морскими разбойниками.

– Гром мне в паруса! Это же так очевидно! Надо же быть таким глупцом! Я один виноват во всем случившемся! Старый пингвин! Тюленья башка! Распоследний олух!.. Сухопутный болван!.. Вместо того чтобы трещать, как попугай, я должен был завязать свой проклятый язык на сотню морских узлов! Если бы я не болтал о смене курса, если бы не интересовался компасом, а смотрел в оба, то этот проклятый безбожник даже и не подумал бы пришвартовать нас в этой каюте, как юнг, загулявших по кабакам.

– Утешься, матрос, – вступил в разговор Фрике. – Видишь ли, вся эта авантюра была задумана давным-давно, будь уверен. Теперь-то я понимаю, что американец никогда и не намеревался доставить нас до места назначения. В тот самый день, когда мы договорились с главным помощником капитана о транспортировке кули, эти двое мошенников замыслили недоброе и решили присвоить наших людей для дальнейшей перепродажи. Чуть раньше, чуть позже, на нас бы все равно напали из-за угла. Просто твое любопытство ускорило события. Мне тут в голову пришла еще одна идея. Было бы странным, если в этом деле не оказался замешанным зубоскал по имени Бартоломео де Монте. Ты помнишь его последние слова и недобрую улыбку?

– Ты прав! Я как сейчас вижу его лицо, будто перемазанное дегтем, и рот макаки, кривящийся в усмешке… Если я когда-нибудь вернусь в Макао, то начну с того, что вышибу дух из этого подонка.

– Итак, – продолжил Фрике, – я нахожу, что ситуацию трудно назвать веселой. А еще я хотел бы сменить позу. У меня все тело затекло.

– Бедный парень… – В голосе Пьера ле Галля послышалось искреннее сострадание. – Сразу видно, что ты не привык к подобным вещам так, как я. В молодости я был любителем прошвырнуться по кабакам и поэтому не раз имел возможность познакомиться с «игрушками» командира батареи. Ах! Его

обращение трудно назвать нежным… За малейшую провинность – бац! – и в железо или шесть часов кряду несешь вахту впередсмотрящего привязанный к «вороньему гнезду»… И это не мешало нашему старому вояке готовить отличных матросов. Видишь ли, сынок, тебе следует терпеливо сносить боль. Наше счастье, что этому проклятому безбожнику не пришло в голову посадить нас в разные каюты, и мы можем нести трудную вахту вдвоем.

Пока шла эта тихая беседа, рассвело. Слабый бледный свет, проникающий в каюту через иллюминатор, позволил обоим друзьям увидеть, как выглядят их путы. Да, они были обездвижены, но не с помощью железных оков, а с помощью крепких швартовых канатов, которые хотя и были не такими тяжелыми, как кандалы, все равно пресекали в корне любую робкую попытку мятежа.

Вскоре наступил час обеда, и заключенные уже начали гадать, собираются их кормить или нет, когда дверь каюты распахнулась и на пороге возник маленький китаец с огромным солдатским котелком, наполненным рисом, в котором плавали кусочки сомнительного вида, судя по всему мяса.

– Надо же, – воскликнул Фрике, – котелок. Это явление жителя Поднебесной с отвратительной жратвой заставило меня вспомнить мое первое приключение с доктором Ламперрьером на берегах Огове:[18 - Огове – одна из крупнейших рек Западной Африки.] тогда местные черномазые людоеды засунули нас в клетку для откорма скота, чтобы впоследствии съесть.

– А ну молчать! – раздался резкий окрик на английском. В дверном проеме маячила фигура американского матроса, вооруженного полукопьем.

– Ты только взгляни! – тихо прошептал Пьер ле Галль, – часовой. Вот чума, капитан оказывает нам честь, держа под строжайшим арестом!

Китайчонок, дрожа от страха, сделал несколько шагов вперед, запустил ложку в котелок с варевом, а затем поднес ее к бородатому лицу старого матроса.

– Это еще что такое! Да он издевается над нами, этот распроклятый язычник! Он поручил меня заботам кормилицы, меня, Пьера ле Галля, родившегося в Конке, бывшего старшего матроса, канонира «Молнии», рулевого с патентом, который в жизни не знал другой соски, кроме доброй бутыли с самогоном после удачного маневра, и который в течение тридцати лет распивал вино с баталером.[19 - Лицо, ведающее на корабле продовольственным и вещевым снабжением (мор.).]

Китаец, сразу же поверивший в решительный отказ бретонца, предложил ложку Фрике, и молодой парижанин, преодолевая отвращение, неохотно проглотил ее содержимое. Житель Поднебесной методично зачерпывал еду и механически подносил ложку ко рту француза до тех пор, пока Фрике знаком не показал, что уже наелся.

Вновь наступила очередь бретонца.

– Давайте, ешьте, – прошептал китаец с комическим смирением, – так надо… давайте же.

После этой не слишком разнообразной, но достаточно оригинальной трапезы китаец уже собирался уходить, когда Пьер ле Галль обратился к часовому на плохом английском.

– Эй! Матрос!

Мужчина, не говоря ни слова, сделал шаг в каюту.

– Послушайте, – продолжил пленник, – хотя вы и подрядились выполнять эту дрянную работу, вы все-таки моряк, а значит, знаете, что после жратвы и даже перед жратвой любой матрос не откажется от табака. Вы не могли бы отщипнуть немного от вашего свертка табачных листьев и дать мне хотя бы капельку.

Американец пожал плечами, сделал знак китайцу и вышел, так и не открыв рта.

– Животное! – проворчал канонир. – Мне не потребуется завязывать узелок на память, чтобы узнать тебя позже, и уж поверь, там посмотрим, какой танец я заставлю тебя сплясать. Ну, ладно, обойдемся без табака.

Прошло пятнадцать томительных дней, а положение обоих заключенных нисколько не изменилось, и страдания их становились все более невыносимыми. Единственной отдушиной для Пьера ле Галля стал «подарок» маленького китайца. Однажды часовой отвлекся, несколько утратил бдительность, и парнишка воспользовался случаем и бросил матросу пакетик табака.

Столь трепетное внимание, свидетельствовавшее о сострадании этого обездоленного малыша, глубоко взволновало достойного матроса.

– Бедный юнга, – шептал умиленный бретонец, – он влачит жизнь каторжника, удары палки сыплются на несчастное маленькое тельце, как частый град; с утра до вечера и с вечера до утра его жизнь похожа на ад, и все равно в его сердце нашлось место для доброго чувства. Его забота подняла мой дух. А это, поверь, немало. Я полагаю, ты также поймешь меня. Я всегда ценил намерения, именно намерения, а не поступки. В действительности, добрые намерения успокаивают мою душу, как будто бы после трех лет плавания я вернулся в Конке и снова вижу утесники дорогой Бретани.

К счастью, проворно брошенный пакетик табака упал прямо рядом с головой канонира. Мужчина схватил его зубами, перебросил на грудь и, после долгих минут сверхчеловеческих усилий, развернул, затем набил щеку прессованными листьями табака и принялся с наслаждением жевать.

– Настоящий бархат, матрос, леденец. Жаль, что ты не любишь жевать табак! Какой же я дурак! Ведь я бы не смог передать тебе даже крошки табака, как бы ни хотел этого.

– Я счастлив, мой старый друг, что этот пакетик табака смог хоть чуть-чуть облегчить твои страдания, – с трудом ответил парижанин. – В чем я действительно нуждаюсь – это в большом глотке свежего воздуха. Если наше заточение продлится еще долго, я уж и не знаю, что со мной станет. Мне кажется, что моя голова вот-вот взорвется.

– Никаких глупостей, матрос… послушай, главное – спокойствие и твердость духа. Сейчас не время поддаваться приступу лихорадки. Ты меня слышишь?

Прошло еще два дня, наполненных безнадежной монотонностью, и Пьер ле Галль стал серьезно тревожиться о здоровье друга, когда в каюту пленников явился капитан собственной персоной.

– Я предполагаю, – начал он без околичности, – что вы здесь скучаете.

– Есть немного, а как обстоят дела у вас? – иронично поинтересовался бретонец.

– Только от вас зависит, выйдете вы отсюда или нет. Что касается меня, то я иду прямо к цели. Мне дорога каждая минута, и потому я ненавижу долгие разговоры… Times is money…[20 - Время – деньги (англ.).]

– Что нам надо сделать? – спросил Пьер.

– Все просто, – ответил американец, обращаясь в основном к Фрике. – Вы продадите мне сотню ваших китайцев… Мне это необходимо.

Молодой человек, находящийся во власти лихорадки, решил, что ослышался.

– Купчая будет составлена на английском и французском языках, вы оба в соответствии с правилами засвидетельствуете ее. Вы ее подпишете…

Пьер ле Галль и Фрике оставались неподвижными, как гранитные глыбы.

– К несчастью, – продолжил американец, – состояние моих финансов не позволяет мне предложить вам адекватную цену за товар. Жители Поднебесной сегодня дороги на рынке. Плюс ко всему, мне нравится сбивать цены. Тысяча долларов за сотню кули – я полагаю, вам двоим хватит этой суммы.

– Пять тысяч четыреста двадцать франков, во французских деньгах, – холодно уточнил бретонец.

– Yes, – согласился капитан. – Я высажу вас на берегу Австралии, недалеко от Сиднея. Оттуда вы легко сможете добраться до колониальных владений и вести достойное существование с выручкой от продажи кули.

– А! Так мы идем не на Суматру, а в Австралию?

– Yes.

– А если подобная сделка нас не устраивает? – поинтересовался бледный Фрике, сжав зубы и прилагая сверхчеловеческие усилия, чтобы сдержать возмущение, рвущееся наружу.

– Я, скрепя сердце, был бы вынужден оставить вас здесь без еды и питья до тех пор, пока вы не стали бы более сговорчивыми.

– Вы последний негодяй!

– Таков уж мой метод решения проблем. Ваше замечание бесполезно. Times is money! Как же болтливы эти французы! Итак, каков ваш ответ?

– Если бы путы позволяли мне хоть чуть-чуть пошевелиться, я бы плюнул вам в лицо… Вот мой ответ.

– By God![21 - Ей-богу! Восклицание, выражающее удивление, досаду (англ.).] Как вы эмоциональны, молодой человек. К счастью, я на это не способен. Я мог бы приказать привязать к вашим ногам чугунное ядро и выкинуть вас за борт, но это не способствовало бы подписанию договора о продаже, который мне со-вер-шен-но необходим, – холодно заявил капитан, с угрозой растягивая последние слова. – Я вернусь через два дня, чтобы узнать, какое решение вы приняли. Без сомнения, строгий пост поможет вам стать сговорчивее.

Закончив речь, американец вышел.

– Надо же, – прорычал Пьер ле Галль, – и подобные мерзавцы, больше похожие на кайманов, чем на людей, управляют кораблем. И это моряк… более того – капитан!.. Даже малайцам, этим профессиональным пиратам, и то стало бы стыдно. Да, матрос, наши дела совсем плохи.

– Напротив, я нахожу, что ситуация скорее улучшается.

– Что за бред! Ты сбился с курса?

– Не бойся, теперь совершенно ясно, как будут развиваться события.

– Что верно, то верно: рано или поздно мы умрем с голоду. Отныне – это вопрос времени.

– Пьер, старина, ты один из лучших наводчиков «Людовика XIV», но ты, как новичок-растяпа, пропустил бакен, расположенный менее чем в пяти кабельтовых.[22 - Морская мера длины.]

– Скажи мне, сынок, что я упустил?

– Неужели ты не видишь, что этому проклятому кашалоту позарез нужны наши кули. Но просто так забрать их себе он не может. Речь идет исключительно о продаже. Контракт составлен на наше имя испанскими и португальскими властями, и составлен в трех экземплярах. Один остался у правительства Макао, второй – попал в лапы пирата, третий – принадлежит нам. Итак, капитан может действовать лишь согласно закону, иначе при встрече с английскими чиновниками ему грозят серьезные неприятности и даже виселица. Служащие Великобритании сильно не любят шуток подобного рода. Они обязательно потребуют документ, свидетельствующий о продаже кули, подлинный документ, на котором будут стоять наши подписи. Если они усомнятся в бумагах, на судно пирата будет наложено эмбарго, а сам он отправится в «рай» для каторжников чесать паклю или будет скакать на месте, на лопастном колесе, которое англичане называют «treadmill».[23 - Колесо-топчак, или однообразный механический труд (англ.).]

– Ба! Вот как!

– Ты действительно думаешь, что если бы он мог поступить иначе, он давно бы не отправил нас за борт, не спрашивая нашего позволения? Уморить ли нас голодом или убить иным способом – от нашей смерти капитан не получит никакой выгоды. Он не сможет причалить к берегам Австралии, потому что пункт назначения судна – Суматра.

– Знаешь, сынок, ты рассуждаешь о делах, как чиновник с пятью нашивками… Странно! Ты слышишь?

– Что?

– Шум винта. Мы идем под парами.

– Какого дьявола может означать эта перемена?

– Есть не так уж много объяснений. Ветер стих или изменился на встречный, и янки не желает терять время.

Это событие, кажущееся, на первый взгляд, столь незначительным, повлекло за собой серьезнейшие последствия, изменившие дальнейшую судьбу двух французов.

Вот что произошло с момента их заточения.

«Лао-Цзы», с избытком снабженный парусами, – а подобная чрезмерность всегда была свойственна американцам, которые никак не желали понять, что одно из качеств, необходимое морякам, – это осторожность, – взял обычный курс, каким следуют все суда, отправляющиеся из Макао в Сидней.

Этот курс предполагает, что сначала корабль плывет на юго-восток, прямо на Лусон, самый большой остров Филиппинского архипелага, минует порт Болинао, расположенный на западной оконечности острова, преодолевает канал, отделяющий Лусон от Миндоро, проходит мимо острова Панай и движется с севера на юг по Мидорскому морю. Затем судну следует пройти западную оконечность острова Минданао и пересечь архипелаг Сулу, двигаясь мимо острова Басилан. Затем корабль должен держать курс строго на юго-восток, миновать остров Жилоло, преодолеть 130 меридиан восточной долготы в месте его пересечения с 3° северной параллели и форсировать экватор, не теряя из вида группу Анахоретских островов. После этого необходимо обойти группу островов Новой Ирландии и Соломоновы острова, которые напоминают о славной эпохе морских экспедиций д’Антркасто, Бугенвиля и Лаперуза – достойных конкурентов Кука и Байрона, и двигаться вдоль острова Сан-Кристобаль, находящегося на 167° восточной долготы и 10° южной широты, затем надо взять прямо на юго-запад, чтобы добраться до Сиднея, расположенного на 148° 30? западной долготы и 35° 56? южной широты.

Таким образом, путь в Австралию напоминает огромную букву «S», верхняя точка которой находится в Макао, далее линия змеится через часть Малайзии и

Меланезии, для того чтобы в конечном итоге упереться в Сидней. Конечно, это наиболее долгий путь. Корабль преодолевает приблизительно 9 000 километров, столько же надо проплыть, чтобы добраться из Сен-Назера[24 - Портовый город во Франции, расположенный в устье Луары.] в Панаму, но это – самый надежный путь.

Примерно половину пути кораблю сопутствовала удача, достойная лучшего применения. «Лао-Цзы», подгоняемый муссоном, мчался со скоростью семь-восемь миль в час и достиг архипелага Микронезии, а точнее Анахоретских островов, и уже пересекал линию экватора, когда наступил внезапный штиль.

Капитан, опасаясь, что надолго застрянет в этих местах, приказал спешно разводить пары. Стремясь сэкономить драгоценное топливо и еду, предназначавшуюся пассажирам, американец решил идти кратчайшим путем, то есть следовать на юг по прямой. Его план был следующим: оставить в стороне острова Адмиралтейства, преодолеть пролив Дампир, миновать подводные рифы близ островов Лузансей, оставить в стороне остров Уэл, обогнуть архипелаг Луизиаду и оттуда прокладывать курс на Сидней. Пират не желал «выписывать» огромную дугу, которая являлась частью безопасного пути.

Необычайно рискованный план, и любой даже самый опытный навигатор приступил бы к его исполнению с величайшей предосторожностью. Но наш американец так спешил, что, не раздумывая, выкрикнул привычное «Go ahead» и разогнал судно, как будто бы речь шла о путешествии по Атлантике. Нисколько не заботясь о том, что мадрепоровые рифы громоздятся на пути корабля, ни минуты не колеблясь, несмотря на то что на карте не обозначен ни один из подводных камней, капитан приказал бросить свинцовый лот и помчался, словно намеревался обогнать конкурента на одной из широчайших рек Северной Америки.

Подобные опасные маневры не могли длиться бесконечно. Благополучно проскочив пролив Дампир, янки, не задумываясь, взял курс на архипелаг Лузансей, и тут судно со страшной силой ударилось о скалу, вершина которой возвышалась над водой. Обшивка корабля жалобно застонала, вторя ей, с нижней палубы, до отказа забитой несчастными людьми, раздался громкий вопль ужаса. То ли корабль задел скалу лишь вскользь, то ли достаточно толстый слой воды послужил своеобразной «подушкой» между подводным камнем и килем судна, но последнее почти не пострадало. Корабль качнулся, два или три раза совсем легко задел дно кормовой частью киля и потерял ход,

потому что паровая машина остановилась.

Капитан тотчас отрядил двух ныряльщиков, которые через некоторое время доложили, что часть фальшкиля вырвана, но обшивка выглядит целой. Так как пробоины не оказалось, янки нашел, что все «perfectly well»,[25 - Великолепно (англ.).] и приказал разводить пары.

Увы! «Лао-Цзы» остался неподвижен, как понтон. Страшный удар о подводный риф, вне всякого сомнения, вызвал серьезные повреждения в машинном отделении, и можно было держать пари, что судно больше не пойдет под парами. В это время поднялся легкий бриз. Капитан задумал этим воспользоваться. Он велел безотлагательно брасопить[26 - Повернуть паруса в ту или иную сторону (мор.).] паруса и продолжать путь, пока механик и его помощники ищут причины аварии парового котла. Результаты поисков не заставили себя ждать: вышел из строя валопровод.[27 - Совокупность валов на судне, передающих вращение движителю от судового двигателя (мор.).] К несчастью пассажиров и экипажа, «Лао-Цзы» вновь превратился в обычный парусник.

Прощайте, добрые деньки! Удача отвернулась от судна, и отныне все пошло наперекосяк. Свежий бриз неожиданно превратился в шквалистый ветер. Погода испортилась, небо потемнело. Видимость упала до нуля, и приходилось «идти по счислению[28 - Счисление места – метод определения места корабля по известным исходным координатам. Является основным методом определения места, когда недоступны внешние ориентиры (мор.).]». Увы, результаты этого метода частенько бывают ошибочными!

После необратимой аварии паровой машины прошло двенадцать часов. «Лао-Цзы», вопреки все усиливающемуся бризу, шел на всех парусах. Капитан хотел любой ценой скоротать путь: «Times is money!» Трехмачтовое судно, накренившееся на правый борт, развило небывалую скорость и неслось сквозь непогоду, когда спереди, перекрывая шум шквалистого ветра, раздался характерный рев волн, разбивающихся о подводные рифы.

– Готовиться к повороту! – заорал капитан, стоящий на мостике.

Экипаж кинулся по местам, чтобы выполнить этот сложный маневр, от которого зависело всеобщее спасение. Секунда промедления, малейшая ошибка в

исполнении команды, и судну – конец.

Погодные условия и близость опасности не позволяли кораблю развернуться носом к ветру, и потому американец попытался повернуть через фордевинд,[29 - Поворот парусного судна, при котором судно пересекает направление ветра кормой (мор.).] чтобы выйти из ветра.

Янки приказал положить руль под ветер, выбрать стаксель-шкот, гика-шкот травить, развернуться кормой к ветру. Судно начало изменять свое положение, притормаживать, когда сильнейший шквал развернул его лагом к волне, не дав убрать паруса. Бурное подводное течение поволокло «Лао-Цзы» прямо на рифы, темная масса которых виднелась в самом центре полукруга морской пены. Капитан отдал приказ бросить якоря. Напрасный труд. Течение и ветер неумолимо гнали судно вперед, на подводные камни.

Катастрофа была неизбежна. Раздался оглушительный треск. «Лао-Цзы» всем боком напоролся на скопление мадрепоровых кораллов. Тысячи острых кончиков, похожих на зубцы железной расчески, вспороли обшивку и обездвижили корабль, который стал напоминать деревянную гору. Капитан понял, что все потеряно. Не упуская ни минуты, американец собрал всех белых матросов, а их было семеро, позвал старшего помощника и инженера-механика, приказал спустить на воду большую шлюпку, в которую спешно погрузили продовольствие, воду, некоторые навигационные приборы, оружие, документы и все деньги, находящиеся на борту.

Предвидя, что «Лао-Цзы» долго не продержится, что рано или поздно корабль раздробит о рифы, а его обломки рассеются по воде, презренные негодяи даже не подумали организовать спасение несчастных, чьи отчаянные крики раздавались из трюма. Первым корабль покинул его капитан! Лодка, нагруженная в мановение ока, скользнула вниз и тут же направилась в открытое море. Бенгальские, малайские и занзибарские матросы в суматохе метались по палубе – казалось, началось вавилонское столпотворение. Они спешили последовать примеру своего предводителя, пытаясь спустить на воду все судовые лодки. Внезапно душераздирающие крики, доносившиеся снизу, прекратились. Сквозь грозный рокот волн, бьющихся о рифы, были слышны лишь пронзительные крики многонационального экипажа. Неужели три сотни кули, запертые в темном трюме, утонули все разом, погребенные под толщей внезапно хлынувшей воды? Очередная огромная волна отступила, оставив на коралловой отмели поврежденный корабль.

Поспешность, с которой белые удалялись от места кораблекрушения, свидетельствовала о том, что они остро чувствовали грядущую опасность, причем опасность, исходящую не от разгулявшейся стихии. Конечно, отказ от живого груза, представляющего значительную ценность, плохо согласовывался с небывалой жадностью капитана. Но негодяй-американец и его сообщники отлично знали, что кули, претерпевшие нечеловеческие страдания, отупевшие от заточения, станут грозной силой, когда поймут, что жесточайшая дисциплина, царившая на борту, превратилась в одно лишь воспоминание. Сколько экипажей было истреблено в открытом море взбунтовавшимися иммигрантами; они захватывали власть невзирая на железные шипы, рассеянные по палубе и ранящие босые ноги невольников, несмотря на все предосторожности: кули выводили на свежий воздух только по пятьдесят человек, скованных цепями, охраняющие их матросы были вооружены до зубов. Но доведенные до крайности, предпочитающие смерть затянувшейся пытке, люди сбивались в кучи, упирались ногами и руками в перегородки, объединяли усилия, подчиняя движения монотонному пению, схожему с теми звуками, что издают матросы, поворачивающие кабестан,[30 - Лебедка с барабаном, насаженным на вертикальный вал, для подтягивания речных судов к причалам, выбирания судовых якорей и т. п. (мор.).] сметали барьеры и устремлялись, словно неистовый поток, в слишком узкие люки.

Но, в конечном итоге, что значит для бессовестного человека смерть жителей Поднебесной и потеря «Лао-Цзы», разве перед отплытием он не предпринял все меры предосторожности и не застраховал судно и груз?

А вот его опасения по поводу бунта оказались ненапрасными. В тот самый момент, когда капитан занимал свое место в шлюпке, массивная перегородка дрогнула, поддалась напору неистовой силы и разлетелась вдребезги, как будто бы ее снес взрыв мощной мины. Из зияющего отверстия, темного, как дно глубокого колодца, хлынул неуправляемый поток – орда воющих и обезумевших мертвенно-бледных существ – существ, наполовину задохнувшихся, но все равно наводящих смертельный ужас вопреки слабости каждого отдельного человека, которая с лихвой компенсировалась количеством взбунтовавшихся иммигрантов.

Нетвердо стоящие на ногах, ослепленные ярким светом усталые люди, невзирая на слабость в членах, онемевших от долгого заточения, собрали последние силы и, спотыкаясь, помчались по накренившейся палубе, смешиваясь с матросами, растерявшимися при виде этого внезапного вторжения.

Первые моряки, попавшиеся под руку взбесившейся толпе, были растерзаны в одно мгновение. Потоки крови пьянящего алого цвета залили палубу, на которой валялись безобразные ошметки трепещущей плоти. Ни одна лодка, за исключением большой шлюпки, не была спущена воду. Иммигранты тут же заметили капитана и собранный им белый экипаж, который что есть силы налегал на весла. Около пятидесяти кули бросились в море, не столько для того, чтобы захватить лодку, сколько отплатить палачам за перенесенные страдания.

Янки были не теми людьми, кто позволил бы схватить себя без сопротивления. Они встретили нападающих градом пуль, затем взялись за сабли и топоры и принялись сносить головы и отсекать руки тех, кто пытался вскарабкаться на борт. Видя тщетность своих усилий, кули вновь повернули к «Лао-Цзы»; в это время шлюпка с беглецами вышла в открытое море. После этого бывшие заключенные, не задумываясь об угрожающей опасности, опьяненные первыми плодами победы, рассеялись по палубе, уничтожая всех и все, что встречалось им на пути. Стремясь утолить жажду мести, обезумевшие кули в припадке дикой ярости громили корабль, служивший им тюрьмой.

…Фрике и Пьер ле Галль по-прежнему находились в заточении в собственной каюте. Во время бегства капитану даже не пришло в голову вспомнить о пленниках.

Глава III

Страшные мучения обоих пленников. – На затопленной нижней палубе. – Бред. – Нож!.. – Нелегкий путь к спасению. – Плот. – Да здравствует французский флаг! – «Прощай, уходим в море!» – Уже в четвертый раз Робинзон. – Человек, который больше не считает, сколько кораблекрушений он пережил. – Костер, разожженный самым цивилизованным образом. – Робинзон-Фрике намерен отступить от традиций. – Поимка краба. – Первая трапеза на суше. – Удивление аборигена с кожей цвета сажи при виде двух белых людей. – «Не соизволите ли войти?»

Оба пленника чувствовали, что медленно умирают: их головы пылали, словно в огне, дыхание стало прерывистым, рты пересохли, желудки подводило от

голода. Даже первый удар, полученный «Лао-Цзы», практически не вывел французов из полузабытья. Их плотно закупоренная, тесная каюта, прогретая беспощадными лучами экваториального солнца, стала напоминать парильню – парильню, в которой все больше и больше не хватало воздуха для дыхания. К страшным мукам, вызванным жаждой и голодом, прибавилась еще одна пытка – медленное удушье.

– Матрос, – прохрипел Пьер ле Галль, когда судно первый раз наскочило на рифы, – мы… мы… сели на мель…

– Ба! – прошептал Фрике, – значит, наши мучения скоро закончатся.

– Гром и молния!.. Как же это глупо… глотать соленую воду… на нижней палубе… не имея возможности пошевелить ни ногой… ни рукой… как мертвецки пьяный баталер.

Фрике не ответил.

– Матрос… – вновь заплетающимся языком пробормотал мастер-канонир, – матрос!.. Сынок…

– Пьер…

– Почему ты молчишь? Твое молчание пугает меня.

– От каждого произнесенного слова у меня череп раскалывается… Каждый звук отдается у меня в ушах как пушечный выстрел. Однако не беспокойся. У меня еще есть порох в пороховницах, и я работаю, даже если это и незаметно.

Пьер решил, что его друг бредит.

– Успокойся, матрос, – вновь заговорил молодой человек, – не пройдет и двенадцати часов, как у меня будет развязана одна лапа. Черт побери!.. Этот проклятый трос такой же твердый, как мачта большого паруса. Терпение!.. Поживем – увидим, – закончил парижанин, вновь приступив к своим загадочным манипуляциям.

С каждым часом страдания друзей становились все сильнее и сильнее, невозможно подобрать слова, чтобы описать их мучения, и так продолжалось до тех пор, пока морское течение и яростные волны не бросили несчастный корабль на рифы. Удар оказался столь сильным, что всего за несколько мгновений острые коралловые отростки раздробили шпангоут,[31 - Поперечное ребро жесткости бортовой обшивки судна (между днищем и палубой).] взломали пояс обшивки подводной части корабля и пробили дыру в корпусе. В образовавшееся отверстие тут же хлынула вода, она прошлась волной по внутренней части судна и, ворча, отступила, унося с собой обломки перегородок и трупы.

Огромная пробоина в правом борту образовалась в непосредственной близости от помещения, в котором были заперты оба друга. Иллюминатор каюты разбился вдребезги, и волна чудовищной силы обрушилась на французов в тот самый момент, когда Фрике, подняв над головой окровавленную и распухшую от трения руку, радостно воскликнул:

– Виктория!.. Один трос уже перетерт… я…

Внезапно хлынувший могучий водяной поток не дал молодому человеку закончить.

На восемь или десять секунд адский шум, царивший на судне, был перекрыт трубным ревом разгневанного Океана, затем, как это обычно бывает во время прибоя, волна с плеском отступила.

Ужасная картина, открывшаяся взору Фрике, заставила смолкнуть триумфальный крик, уже рвавшийся из его горла. Удар, снесший перегородки каюты, вырвал и часть железных креплений, удерживающих койки, на которых лежали мужчины. Ноги и одна рука парижанина оказались свободны. Отсюда и радость Фрике. Но вид Пьера ле Галля, висящего вверх ногами на наклонной плоскости, с лицом, покрытым кровавой пеной, ужаснул молодого человека.

– Пьер!.. Матрос!.. – робко окликнул юноша.

Никакого ответа.

– Пьер!.. Друг мой!.. Мой старший брат!.. Пьер!

И голос несчастного растерянного ребенка, оглушенного водяным молотом, обессилевшего за четырнадцать дней и пятнадцать ночей пыток, полумертвого от голода и жажды, дрогнул, будто бы горло говорившего свело от рыдания.

Но этот душещипательный рассказ никак не про такого закаленного парня, как наш друг Фрике. Не теряя ни единой секунды на бесполезные причитания и вполне справедливо предвидя нашествие очередной волны, молодой человек принялся изо всех сил трясти моряка, не подававшего признаков жизни.

– Давай-ка подумаем, – по привычке Фрике разговаривал сам с собой. – Пьер у меня справа по борту, но именно моя правая рука все еще в западне. Что же делать?… А!.. Отлично, понял, как говаривал мой соотечественник, покойный Лагардер, однофамилец Маленького Парижанина[32 - Лагардер – главный герой романа Поля Феваля «Горбун или Маленький Парижанин.]… Мне следует сползти к самому низу моей разбитой койки, перевернуться слева направо и схватить моего старого бедного друга.

– Прекрасно, получилось, – продолжил Фрике и притянул к себе по-прежнему неподвижное тело мастера-канонира, крепко схватив бретонца за рукав блузы.

Парижанин осторожно коснулся рукой лба пострадавшего и заметил чуть выше его левой брови небольшую рану, из которой вытекала струйка ярко-красной крови.

– Пустяковая царапина, если, конечно, у него нет других повреждений. Самое главное – поднять ему голову… Гром и молния, с помощью какого дьявола я его отбуксирую отсюда? Ай!.. Еще волна.

В тот же момент мутный желтоватый поток вновь заполнил узкую каюту. Фрике только и успел упереться в стену, развернуться спиной к пробоине и зажать между коленями тело друга, чтобы уберечь того от нового сильнейшего удара. Костяшки его пальцев побелели от усилия.

– Еще один такой же страшный удар воды, как этот, и моя рука просто оторвется!

Но эта соленая «ванна» заставила бретонского моряка тихонько вздохнуть.

– Он жив! – воскликнул сияющий Фрике. – Он жив… Черт возьми, я отлично знал, что старого просмоленного морского волка, такого как Пьер, не так-то легко отправить в путешествие на тот свет.

Пьер ле Галль шептал какие-то бессвязные слова…

– Тише… дети. Ты прекрасно знаешь, что матросам больше нельзя в трюм… Пусти меня, я тоже хочу взглянуть… каково! Командир батареи… Ты меня слышишь… Гром и молния! Пить!.. У меня так же сухо в глотке, как в зарядном картузе.[33 - Мешочек цилиндрической формы из сырцового шелка для размещения порохового заряда картузного орудия.] Надо же!.. Матрос… это ты, сынок? А!..

Внезапно к славному вояке вернулась память, и он обнаружил, что его голова покоится на коленях Фрике, сидящего на корточках в совершенно невероятной позе, которая бы вызвала восхищение у любого натренированного циркового гимнаста.

– Где, черт побери, мы находимся? – спросил Пьер, болезненно морщась.

– В нашей каюте, ей-богу!

– А корабль?

– Сел на мель, получил пробоину, погиб.

– А! Хорошо.

– Без сомнения. Это единственная возможность выбраться отсюда.

– А экипаж… пассажиры.

– Дьявол… откуда же я знаю.

– Что делать?

– Немного собраться с мыслями и убираться отсюда, чем раньше, тем лучше.

– Я не спрашиваю, как лучше, а спрашиваю, каким образом?

– А вот это посмотрим. Чего строить планы, пока мы не выбрались из каюты. Здешняя обстановка не способствует размышлениям, не правда ли?

– Особенно этот проклятый душ, который непрерывно выливается на наши головы.

– Однако у тебя по-прежнему идет кровь.

– Пустяки, царапина. Забавно, похоже на удар ножом.

– Ба!

– Что такое?

– Я не верю своим глазам. Нож, ты действительно поранился ножом! Вот этим самым ножом, – парижанин издал победный вопль. – Он валялся на твоей койке; и ты наткнулся лбом прямо на лезвие. Только откуда же он взялся? Да неважно. Теперь мне не потребуется много времени, чтобы перерезать эти проклятые тросы. Итак, матрос, начнем с тебя.

– Нет. Тебе следует полностью освободиться от пут, чтобы вернуть себе свободу маневра.

– А я тебе говорю, что хочу начать с тебя.

– Достаточно, сынок. Ты теряешь драгоценное время. Никто из нас не лучше и не хуже. Освободи себя. Так надо, я этого хочу, я – старший.

– Пусть будет так, – ответил Фрике и тут же принялся пилить толстый и твердый канат, удерживающий его руку. Парижанин хотел поскорее освободиться и вытащить своего друга из проклятой каюты.

Но к его вящей досаде, невзирая на все усилия, работа продвигалась медленно, бог знает, сколько минут прошло, прежде чем молодой человек, наконец избавившийся от пут, смог заняться матросом, не обращая внимания на периодические вторжения моря.

– Гром и молния! Какие же они жесткие. Вот если бы эта веревочка могла послужить галстуком для тех негодяев, которые нас так «принарядили», вот уж я бы не стал жаловаться на судьбу! А еще этот дрянной нож, чертова жестянка с перевернутым лезвием! Он обжигает мне пальцы, как будто его только что достали из кузнечного горна.

– Будь счастлив, что ты им владеешь, сынок… И давай-ка, поторопись… Что-то у меня темнеет в глазах.

Фрике не нуждался в поощрении. Он трудился с таким упорством, настолько ловко и быстро, что уже после четверти часа ожесточенной работы прочные тросы уступили его напору, хотя выглядели они скорее перетертыми, чем перерезанными. Пьер ле Галль, в свою очередь, оказался на свободе. Мужчина, пошатываясь, поднялся, потянулся, разминая могучие мышцы, вздохнул полной грудью, и широкая улыбка осветила его мужественное лицо.

– Полный вперед! Хватит стоять на якоре… Боевая тревога!.. Приготовиться к отплытию!

– Ты прав, Пьер, и я готов. Хотя маневр обещает быть нелегким, а наш последний обед кажется мне миражом.

– Тогда хватайся за трап, ведущий в камбуз. Было бы неплохо найти миску бобов и кусок сухаря.

– Странно, вокруг такая тишина. Можно подумать, что корабль необитаем.

– Нетрудно догадаться, что этот экипаж каторжников, увидев пробоину в борту, поспешил оставить судно… Вероотступники, гореть им в аду! Небось тут же заорали: «Спасайся, кто может!»

– А пассажиры!..

– Бедняги! Без сомнения, они утонули.

Фрике и Пьер ле Галль ошибались. Выбив дверь собственной каюты, они прошлись по всему судну, потерпевшему кораблекрушение, и увидели многочисленные трупы матросов, но не обнаружили никаких следов китайских кули.

– Им удалось бежать, – сказал бретонец, облегченно вздохнув. – Хотя следует заметить, что не обошлось без сражения. Эх, что и говорить, они поступили честно, эти будущие колонисты Суматры. Но это место напоминает лавку мясника, – продолжил старый моряк, с отвращением разглядывая безобразные ошметки еще трепещущей плоти, которые катались по палубе, подгоняемые волнами.

Триста жителей Поднебесной, прежде чем покинуть судно, безжалостно разграбили его. Они пронеслись по кораблю, как саранча, действуя столь стремительно, что оба узника-француза освободились как раз к окончанию жестокой расправы.

На свое счастье, Фрике и Пьер нашли нетронутую бочку пресной воды и сухари, которые они с жадностью проглотили, хотя продукты пропитались морской водой.

Подкрепившись сей скудной трапезой, достойной святых отшельников, или обычной едой потерпевших кораблекрушение, отважные искатели приключений тотчас принялись разрабатывать план спасения. Пьер ле Галль – знаток морского дела и бывалый путешественник, – прежде всего, унял порыв своего товарища, который радостно принялся тыкать пальцем по направлению полоски земли, видневшейся невдалеке, справа от разбитой шхуны.

– Тише, матрос, тише. Мы собираемся причалить к «Дикой стране», но мы не знаем нравов ее обитателей. Надо бы подумать, как сразу же не попасть в лапы уважаемых любителей человечинки и не оказаться нанизанными на вертел, словно перепелки.

– Надо же!.. Мне это как-то не пришло в голову.

– К тому же, если я, конечно, не ошибаюсь, в этих местах довольно сильное подводное течение, которое может снести нас в открытое море, как сносит в данный момент вон ту пустую бочку, за которой я наблюдаю.

– Мне кажется, твои наблюдения верны.

– И наконец, я могу побиться об заклад, что там, куда мы направимся, нас не будет ждать ужин на семьдесят две персоны, накрытый в уютной беседке, как это бывает у матушки Бигорно, гостеприимной хозяйки из Лорьяна.

– И что же ты предлагаешь?

– Перво-наперво проложить прямой курс к берегу, без приключений высадиться на сушу, не забыв про съестные припасы, и постараться самим не попасть в рагу. Поскольку на борту не осталось ни одной лодки, нам предстоит построить плот.

– Вот это занятие по мне. Оно займет у нас не больше часа. Все, что нам остается, – разыскать в этом беспорядке доски и шесты. Что касается пустых бочек, то в них нет недостатка. За дело, матрос!..

Пьер ле Галль, уже вооружившись топором и пилой, пилил, рубил, связывал, в то время как Фрике, болтающий за четверых, работал за десятерых.

Справедливости ради следует отметить, что славный матрос ни в чем не уступал юному другу: он так же беспрерывно балагурил и трудился как проклятый.

– Каково, сынок! Скоро у нас будет славная посудина… готовая плыть по волнам, как настоящий корабль, только что покинувший верфь. И не страшно, что в данный момент, несмотря на все наше желание, мы даже и надеяться не можем прищемить хвост нашим сбежавшим шутникам, и что наша миссия полетела в тартарары! Ничего, главное – поймать попутный ветер! Мы ведь и так сделали все возможное?

– Без сомнения, и мы не далеко продвинемся, если станем посыпать головы пеплом.

– В добрый час! Будь что будет, и да здравствует веселье! Что касается «наших друзей», ничего, мы еще их догоним. Мы попадали и не в такие передряги, не правда ли?

– Да, конечно.

– Итак, мы стали жертвами кораблекрушения; если когда-нибудь мне выпадет удача бороздить моря на линейном корабле, я смогу рассказать эту захватывающую историю во время вечерней вахты, сидя у орудия. И даже Капустная Кочерыжка и его матрос Кержегю, оба знатные рассказчики, любящие травить байки на полубаке, станут удивленно восклицать: «Ну, ты загнул!.. О!..» Так… все идет как надо… отличная вахта. Послушай, матрос, ты займешься укладкой и креплением грузов, а я тем временем установлю мачту. Кое-какое оружие, боеприпасы, два топора, ножи, провизия, пила, сменная одежда… Карта тоже не будет лишней. Давай-ка складывай все это. Я же теперь должен соорудить на вершине мачты такелажный узел. Вот так… То, что надо. Два конца и параллельные петли, их длина как раз подойдет для того, чтобы образовать ванты и штаг.[34 - Снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты (мор.).] Вот здесь крепим полотнище паруса, и мы сможем идти галсом, как быстроходный рыбачий баркас Мишеля Треванека, моего старинного приятеля из Конке.

– Все сделано, Пьер. Я полагаю, этого достаточно, мы ведь не собираемся отправляться в длительное путешествие. Держи! Я тут между делом порылся в сундуках с сигнальными флажками и нашел французский флаг…

– Ты весь в этом, матрос, – сказал Пьер ле Галль, на суровом лице которого читалось неподдельное волнение. – Ты не мог не знать, сколько радости мне подарит родной флаг.

Затем матрос с достоинством потянул фал, поднял на мачту небольшой стяг и снял кожаный картуз. Фрике уже обнажил голову перед национальной эмблемой. Оба друга, не говоря ни слова, энергично пожали друг другу руки.

Теперь плот соединялся с покореженным бортом «Лао-Цзы» лишь прочным канатом. Пьер взялся за длинное весло, закрепленное сзади плота и служившее рулем, и подал знак Фрике. Парижанин поднял топор и одним ударом перерубил канат.

– Прощай! Уходим в море! – зычным голосом выкрикнул бретонец.

– Да здравствует Франция! – ответил ему Фрике.

Плот отвалил от корабля и медленно поплыл, гонимый волнами; в это время кормчий умело управлял веслом, чтобы заставить суденышко обогнуть риф, возвышающийся на их пути. Послушный командам друга, Фрике поднял парус, но не выпустил веревку из рук, чтобы тут же начать действовать в случае налетевшего шквала.

Плот, гонимый бризом и морским течением, обогнул верхушку подводного камня и зашел в узкий канал, служивший своеобразным входом в бухту. Глазам обоих путешественников, потерпевших кораблекрушение, открылась удивительная картина. Темные и тяжелые океанские волны будто бы застывали у входа в узкий проход и уступали место спокойным, прозрачным водам, переливающимся всеми оттенками изумрудного цвета. Сквозь зеленую толщу воды просвечивало белое дно, напоминающее нежный атлас. Линии естественного волнореза, обрамленные ослепительно сверкающей пеной, образовывали неправильные концентрические круги вокруг небольшой бухты, защищенной крепкой плоской коралловой стеной, которая бросала вызов ударам разгневанного океана.

До берега оставалось менее пятисот метров. Это расстояние плот преодолел за весьма короткое время, и оба друга наконец ступили на неизвестную землю, затерявшуюся в безграничных просторах моря.

– Ну надо же, – воскликнул неунывающий Фрике, – это уже, по крайней мере, четвертый раз, как я становлюсь Робинзоном… А как обстоят дела у тебя, Пьер?

– О! Я уже потерял счет кораблекрушениям, которые мне довелось пережить.

– Отлично. Значит, ты обладаешь всеми навыками, необходимыми для выживания на пустынном острове. Если ты не против, то давай обследуем наши новые владения и приготовим обед. Я бы с удовольствием перекусил.

– Мне кажется, ты совершенно прав. Тем более, что не пройдет и трех дней, как наш паек станет весьма скудным из-за отсутствия еды.

– В книгах солидных авторов все Робинзоны без исключения добывают огонь с помощью двух деревяшек, которые они трут друг об друга. Крайне неудобный способ, на моей памяти такое удавалось лишь один раз, в экваториальной Африке, где мы были с моим маленьким другом, беднягой Мажесте. Сегодня дела обстоят намного лучше. У нас есть кремни, огниво и несколько метров трута. Вот эти стволы древовидного папоротника вспыхнут, как спички… Прекрасно. Все сделано. Что касается жаркого для Робинзона…

Резкий звук прервал речь парижанина, который схватился за топор и приготовился к обороне. За этим шумом последовал непрерывный треск, подобный тому, который могли бы произвести фарфоровые черепки, дробившиеся тяжелым катком.

Молодой человек осторожно двинулся вперед, дошел до середины рощи гигантских кокосовых пальм и обнаружил… краба небывалого размера, который был занят тем, что весьма оригинальным способом «вскрывал» древесную скорлупу ореха. Не останавливаясь, дабы полюбоваться столь прелюбопытным явлением, которое бы поставили под сомнение многие натуралисты, не покидающие своих кабинетов, Фрике прыгнул, занес топор над огромным ракообразным и, нисколько не страшась двух угрожающих клешней, оглушил краба сильным ударом.

– Готов, дружище, – воскликнул сияющий юноша.

Затем он схватил длинную лиану, в одно мгновение связал ею краба и направился обратно к лагерю, волоча за собой добычу.

– Вот заказанное жаркое, Пьер…

– Э! Судя по всему, сегодня день морепродуктов: «Карманный краб».[35 - Разновидность краба, популярная в Бретани.] Такой огромный. Особенно он хорош с луком-шарлотом и масляным соусом.

– Звучит соблазнительно; но так как у нас нет ни масла, ни лука-шарлота, мы будем довольствоваться тем, что просто зажарим его в панцире.

– Тоже неплохое блюдо.

– О! Мэтр Пьер ле Галль, сегодня вы особенно внимательны к собственному желудку. А я и не знал, что вы гурман.

– Сынок, – наставительно начал мастер-канонир, – уж коли мы потерпели кораблекрушение, то не станем отказываться от всех прелестей жизни, которые встречаются на суше. Видишь ли, на земле матрос отправляется в увольнительную. И так как сегодня пришел наш черед – мы свободны в своих маневрах… Вот моя точка зрения.

– И я ее разделяю, матрос. Вот увидишь, когда наш зверь о десяти лапах будет поджарен и съеден, я тут же состряпаю тебе еще какое-нибудь изысканное блюдо. Я отсюда вижу пальмы самых разных видов, не считая саговых и кокосовых. Мы изготовим пальмовое вино, которое заставит тебя забыть вино из камбуза и супы, которые кок сдабривал исключительно жиром со своей тельняшки. О! Я хорошо знаком с жизнью дикарей. Много лет прошло с тех пор, когда я впервые изучил «Робинзонаду».

– Будь по-твоему. Но в ожидании саго и пальмового вина, я полагаю, было бы неплохо дойти до плота и взять немного сухарей и крепкого спиртного; что ты думаешь на этот счет?

– Что ты совершенно прав… Эй! Секундочку, Пьер… погоди-ка немного. Хотя мы разбили лагерь всего в ста пятидесяти метрах от берега, тебе следует вооружиться. Мы ведь не знаем, что здесь за страна, кем она населена. А добрые люди, проживающие в этих широтах, как ты справедливо заметил, весьма неравнодушны к человеческому мясу. Если бы наши желудки не были такими требовательными, мы прошлись бы по округе, но ты сам знаешь пословицу: «Голодное брюхо…

– …к учению глухо». А ты трещишь и трещишь, как попугай матушки Бигорно. Хватит болтать. Я беру ружье и…

– Там! Как я тебе и говорил.

– Надо же, черномазый.

К друзьям бегом направлялся высокий, совершенно голый чернокожий мужчина, вооруженный копьем. Возможно, его привлек аромат краба, варящегося в

собственном панцире.

Увидев двух европейцев, абориген остановился как вкопанный, вытаращил удивленные глаза и широко открыл большой рот, демонстрируя частокол черных, как уголь, зубов.

– Гром мне в паруса, какая же уродина этот господин Орангутанг!

– Не соизволите ли войти, – любезно пригласил Фрике. – Вы могли бы оставить вашу алебарду в гардеробе.

Глава IV

Чернокожий дикарь с черными же зубами. – Какой аппетит! – Умение поблагодарить после еды – редкая добродетель. – Каким образом платок Пьера ле Галля мог послужить поводом для объявления войны. – Последний пласт азиатского континента и первый пласт земель Океании. – Подводный разлом, разделивший их. – Трудный, но действенный метод, к которому прибег Фрике, дабы изучить географию. – Потасовка с ударами камнями и бой холодным оружием. – Поражение первого экспедиционного корпуса. – Триста зарезанных китайцев.

Чернокожий мужчина испустил горловой крик и медленно приблизился к французам – его движения напоминали движения дикого животного, которое до ужаса боится, но одновременно сгорает от любопытства. Взгляд больших испуганных глаз с яркими сияющими белками метался от одного европейца к другому. Ободренный неподвижностью Пьера и Фрике, дикарь протянул черный палец, сухой, как сучок лакричника, и коснулся лица молодого человека. Затем он легонько потер белую кожу парижанина, как будто надеялся обнаружить под ней привычную черную физиономию. Белый цвет кожи пришельцев буквально ошеломил чернокожего незнакомца.

Когда храбрый островитянин осознал, что странные существа, стоящие перед ним, действительно наделены белым цветом кожи, он отступил на два шага назад, бросил копье, схватился обеими руками за живот и зашелся в приступе

безудержного смеха. Затем, охваченный весельем, которое вскоре достигло небывалых размеров, он принялся кататься по земле, кувыркаться, подпрыгивать и в конечном итоге растянулся во весь рост, содрогаясь в странных конвульсиях.

– Он немного фамильярен, но обладает веселым нравом, – заметил Фрике.

– Черт возьми, – невозмутимо ответил Пьер ле Галль, – по всей видимости, он никогда не видел белых людей, и мы должны казаться ему, по крайней мере, выходцами с луны. О! Глянь-ка. Его зубы так же черны, как и его кожа!

– Все потому, что он жует бетель.

– Может быть, пригласим его отобедать?

– Именно это я и намеревался сделать. Наш краб готов, за стол, господа…

Пьер разрубил колоссального ракообразного на две части, срезал большой пальмовый лист, положил на это импровизированное блюдо настоящую груду белого мяса, состоящего из коротких и ароматных волокон, и предложил еду чернокожему, который не заставил себя упрашивать и тут же принялся жадно пожирать угощение.

– Вот так штука! Какой он прожорливый!..

– Его зубы сильно смахивают на гвоздики, можно сказать, что их обтесали абордажной саблей. Б-р-р… пара челюстей, как эти, перекусят ногу взрослого мужчины, словно куриное крылышко.

– Легко верится, что наш весельчак не новичок в подобном деле.

– Как! Уже закончил…

– И, кажется, просит добавки!

– Держи, дружище, мне не в чем тебя упрекнуть, тут еще больше двадцати кило мяса. Давай, ешь, чувствуй себя как дома.

Еще четыре раза подряд чернокожий абориген просил наполнить его «тарелку», пока, к вящей радости терпеливых «официантов», не набил себе живот. Затем, насытившись и осмелев от столь доброжелательного приема, островитянин вновь приблизился к белым путешественникам: на сей раз его заинтересовал Пьер ле Галль, с которого дикарь не сводил больше глаз.

Моряк не мог понять, какой мистической силой вызвано столь пристальное внимание, и в задумчивости вытащил из кармана платок в широкую красную клетку, который он медленно развернул.

Удивление славного дикаря достигло апогея: увидев яркий кусок ткани размером с крупного попугая, он впал в оцепенение. Пурпурные цвета, сияющие перед глазами, очаровывали чернокожего мужчину, гипнотизировали. В конце концов, островитянин не устоял на месте и, подталкиваемый непреодолимым вожделением, протянул крючковатую руку, схватил ткань и изо всей силы потянул ее.

Но Пьер крепко держал свой платок, да и ткань оказалась прочной.

– Убери лапы, парень. У меня только один платок, и я им дорожу. Какого дьявола ты собираешься с ним делать, ведь в твои ноздри вставлена кость шести дюймов длиной? Надо же, – обратился моряк к Фрике, захохотав, в свою очередь, – я все задавался вопросом, на что же он похож, такой вот разукрашенный. И сообразил. Когда я был юнгой, реи бушприта[36 - Горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна (мор.)] еще были оснащены квадратным парусом, называющимся «блинд». Клянусь, что, глядя на безделушку, которую он таскает вставленной в перегородку носа, невозможно не вспомнить о старой доброй рее бушприта, забытой более тридцати лет назад.[37 - Сравнение Пьера ле Галля совершенно справедливо, оно встречалось и ранее. Матросы капитана Кука, увидев огромные палки, «украшавшие» носы всех без исключения жителей Меланезии и Полинезии, прозвали эти странные «драгоценности» «реями бушприта».(Примеч. авт.)] Ну да ладно. Это вовсе не повод рвать мой платок.

Но чернокожий дикарь так не думал. Видя, что ему отказывают в предмете его вожделения, он, приободренный любезностью белых незнакомцев, которую, возможно, счел малодушием, отпрыгнул назад, схватил свое копье и нанес сокрушительный удар по ничего не подозревающему Фрике.

Молодой человек машинально отбил удар левой рукой. К счастью, оружие встретило на своем пути закаленное тело иностранца, но сила удара была такова, что наконечник копья раскололся. Безоружный островитянин на секунду застыл, совершенно ошеломленный, затем, резонно опасаясь праведного отмщения и, без сомнения, поразившись неуязвимости людей с белой кожей, проворно развернулся на пятках и бросился наутек. Через мгновение дикарь скрылся в чаще.

– Эгей! Я еще хорошо отделался, – сказал Фрике. – Честное слово, я признателен нашему пирату-американцу.

– Это еще почему, матрос? – спросил Пьер ле Галль, разволновавшийся из-за опасности, от которой его друг спасся столь чудесным образом.

– Все очень просто. Если бы этот безбожник не привязал нас к нашим койкам, то я бы четырнадцать дней и пятнадцать ночей не перетирал бы крюком от моей «кроватки» трос, опутавший мою левую руку. В той спешке, с какой мы спасались, я и не подумал освободиться от этого «браслета» из просмоленной пеньки, в самый центр которого и попало копье этого проклятого черномазого.

– Гром и молния! Нет худа без добра.

– Если бы не этот браслетик, он бы задел мое запястье, возможно, даже перерезал бы артерию, и, кто знает… наконечник копья мог быть отравлен.

– Следует держать ухо востро, не так ли, матрос? Потому что или я сильно ошибаюсь, или же в ближайшее время нас ждет нашествие стаи акул. Мне следовало отдать ему этот проклятый платок.

– Зачем? Эта ткань красного цвета, разделенная на бесчисленное множество кусочков, может послужить нам товаром для обмена. Теперь, когда война объявлена, необходимо, как ты верно заметил, держать ухо востро, чтобы не попасть на вертел. Давайте-ка проведем смотр нашего вооружения. Два топора,

две абордажные сабли, которые в случае необходимости превратятся в отличные мачете, два ружья и наши ножи. Неплохо, мы пребываем во всеоружии. Еще хорошо бы вернуться к плоту, чтобы позаботиться о безопасности провизии. Если нас атакуют, мы тут же станем на шпринг[38 - Встать на два якоря (мор.).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Род большой бесхвостой обезьяны; во Франции так называют гротескную, уродливую статуэтку. (Здесь идалее примеч. пер., если не указано иное.)

2

Старинные испанские золотые монеты.

3

Шпага с широким клинком у эфеса, получила особое распространение в XVIII в.

4

Луис де Камоэнс – португальский поэт, живший в XVI в.

5

Фрике – полевой воробей.

6

Прямой, второй (или третий) снизу парус на судах с прямым парусным вооружением (мор.).

7

Ле Конке – портовый город в Бретани.

8

Короткий, большей частью смоленый трос (мор.).

9

Низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие в Китае, Индии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

10

«Плантаторы-путешественники».

11

В договоре-найме китайских кули имелось условие, согласно которому нанимающая их сторона обязывалась вернуть рабочих на родину живыми или мертвыми. «Жители Поднебесной», как называли китайцев англичане, хотели покоиться лишь в земле своих предков. Время от времени в местах иммиграции суда брали на борт гробы с несчастными жертвами непосильного труда и возвращали тела усопших в Китай. Этот обычай дал повод к организации активной контрабандистской деятельности. Многие гробы наполнялись товарами, которые обычно облагались таможенными пошлинами. Такой груз беспрепятственно проходил мимо представителей властей, которые не решались потревожить страшный груз. (Примеч. авт.)

12

Старинная китайская монета.

13

Мелкая монета в Китае и Индокитае.

14

Группа из трех островов рядом с побережьем Перу, которые приобрели огромное хозяйственное значение в XIX в., когда здесь были обнаружены богатейшие залежи гуано.

15

Сленговое выражение типа «поехали».

16

Общее название устройств для подъема и растягивания парусов, он обеспечивает их постановку и удерживает в рабочем положении (мор.).

17

Снасть в виде троса для закрепления судовых мачт (мор.).

18

Огове – одна из крупнейших рек Западной Африки.

19

Лицо, ведающее на корабле продовольственным и вещевым снабжением (мор.).

20

Время – деньги (англ.).

21

Ей-богу! Восклицание, выражающее удивление, досаду (англ.).

22

Морская мера длины.

23

Колесо-топчак, или однообразный механический труд (англ.).

24

Портовый город во Франции, расположенный в устье Луары.

25

Великолепно (англ.).

26

Повернуть паруса в ту или иную сторону (мор.).

27

Совокупность валов на судне, передающих вращение движителю от судового двигателя (мор.).

28

Счисление места – метод определения места корабля по известным исходным координатам. Является основным методом определения места, когда недоступны внешние ориентиры (мор.).

29

Поворот парусного судна, при котором судно пересекает направление ветра кормой (мор.).

30

Лебедка с барабаном, насаженным на вертикальный вал, для подтягивания речных судов к причалам, выбирания судовых якорей и т. п. (мор.).

31

Поперечное ребро жесткости бортовой обшивки судна (между днищем и палубой).

32

Лагардер – главный герой романа Поля Феваля «Горбун или Маленький Парижанин.

33

Мешочек цилиндрической формы из сырцового шелка для размещения порохового заряда картузного орудия.

34

Снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты (мор.).

35

Разновидность краба, популярная в Бретани.

36

Горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна (мор.)

37

Сравнение Пьера ле Галля совершенно справедливо, оно встречалось и ранее. Матросы капитана Кука, увидев огромные палки, «украшавшие» носы всех без исключения жителей Меланезии и Полинезии, прозвали эти странные «драгоценности» «реями бушприта».(Примеч. авт.)

38

Встать на два якоря (мор.).

Купить: https://tellnovel.com/lui-bussenar/pod-yuzhnym-krestom-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити